

На правах рукописи

Еремян Эдуард Витальевич

**КРИЗИС «ЗАПАДНОЙ» МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ,
ХАРАКТЕР, ОСОБЕННОСТИ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ)**

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
(юридические науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва, 2026

Диссертация выполнена на базе кафедры теории права и государства юридического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

Научный консультант:

Клишас Андрей Александрович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой теории права и государства Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», председатель Комитета Совета Федерации ФС РФ по конституционному законодательству и государственному строительству

Официальные оппоненты:

Хабриева Талия Яруловна

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, академик РАН, директор Федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»

Эбзеев Борис Сафарович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации

Кошель Алексей Сергеевич

доктор юридических наук, доцент, профессор департамента публичного права факультета права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», проректор НИУ ВШЭ

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита состоится «15» октября 2026 года в 15 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета ПДС 0900.007 Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке РУДН по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 и на сайте РУДН: <https://www.rudn.ru/science/dissovet>

Автореферат разослан «__» июля 2026 года.

Ученый секретарь диссертационного
совета ПДС 0900.007
Кандидат юридических наук

Р.М. Аллалыев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена тем фактом, что события последних лет свидетельствуют о перманентном ухудшении и без того крайне проблематичной ситуации, сложившейся не только в отдельных государствах, традиционно ассоциирующих себя с «демократией» и «либерализмом», но и в рамках западной цивилизации в целом, несколько веков служившей своего рода «локомотивом» поступательного развития общественных отношений, в том числе в сферах, прямо либо косвенно связанных с человеком, его правами и свободами. С одной стороны, то, что наблюдается длительное время, можно охарактеризовать как стагнацию и регресс, закономерным и естественным, с исторической точки зрения, «результатом» которых стал кризис (масштабы и возможные «последствия» которого не всегда поддаются адекватной научной оценке, однако имеют тенденцию к постоянному углублению и расширению, что говорит о его объективном характере), тем или иным образом охвативший системообразующие нравственно-мировоззренческие, морально-этические, социально-экономические и политико-правовые институты, считавшиеся для нескольких поколений незыблемыми, безусловными и непререкаемыми, по многим «критериям» представлявшие собой фундамент системы буржуазно-либеральных ценностей, олицетворявших в глазах широких слоев населения качественно новый взгляд на государство и общество в их взаимодействии и противодействии друг другу. Параллельно с этим, имевшие место процессы, вызванные реформированием или модернизацией политических режимов, так либо иначе служили иллюстрацией диссонанса между «желаемым» (всем тем, что декларировалось в учредительных актах и аналогичных юридических документах, начиная с ограниченной цензами так называемой «всеобщности» избирательного права и заканчивая исключительно абстрактным «народным суверенитетом») и «действительностью» (одним из рецидивов которой стали, помимо прочего, вполне легитимный приход к власти национал-социалистов в Германии и сегрегация по признаку расы или этнической принадлежности в Соединенных Штатах), в итоге послужившего не только формированию ряда предпосылок широкомасштабного кризиса «западной» модели демократии, поразившего на рубеже веков как развитые, так и развивающиеся страны, но и неизбежного краха стереотипов и идеологем либерализма, сложившихся в результате революционных преобразований в Старом и Новом Свете в конце XVIII – середине XIX века. Перед нами не что иное, как «дряхление» того, что на определенной стадии государственного строительства было чрезвычайно актуальным и востребованным обществом и его составными структурными элементами в рамках начавшегося перехода от феодализма к следующему этапу экономического, социального, политического и культурного развития.

Представляется (хотя есть масса и других причин и обстоятельств), что именно фактором «старения и архаичности» многого из того, с чем в течение известного исторического периода прямо или косвенно идентифицировались общество, правовая система и государство буржуазного типа с монархической и республиканской формой правления, объясняются, на наш взгляд, не только

закономерные, обусловленные непосредственно становлением и развитием публичных, в частности, электоральных отношений на соответствующем этапе генезиса политического процесса, но и некоторые специфические тенденции, значительная часть которых актуализировалась и материализовалась в форме своего рода «общественной реакции» со стороны отдельных групп населения на решения либо действия правящих элит. Другими словами, «желаемое» и «действительность», прежде всего провозглашенные декларации о «свободе, равенстве и братстве», и их практическое воплощение, мягко говоря, не всегда и не везде корреспондировали друг другу, тем или иным образом способствуя формированию целого ряда предпосылок, с течением времени приведших к системно-институциональному кризису, переживаемому – при «внешней», на неискушенный взгляд, благополучности – «западной» моделью демократии, в который постепенно втягивается все большее число стран и народов. И то, что четверть века назад было возможно, не прикладывая для этого каких-нибудь особых усилий замаскировать за «рекламным образом» повседневной жизни, сытый, размеренный, бесконфликтный характер которого пропагандировался и безапелляционно навязывался обывателю с журнальных и газетных страниц или экранов телевизоров, в конце концов сыграло с обществом потребления злую шутку: «желаемое» фактически получило статус «действительности».

Продолжать, с настойчивостью, заслуживающей лучшего применения, игнорировать очевидные вещи, занимая «позу страуса», не обращая никакого внимания на объективные процессы, уже не получается, поэтому правящие элиты и аффилированные с ними олигархические группы и господствующие классы своими действиями лишь усугубляют ситуацию, загоняя ее в тупик. Но парадокс состоит в том, что демократия (как цивилизационный и социальный феномен, обладающий несомненными достоинствами и недостатками) с ее традиционными институтами, процедурами и ритуалами, к сожалению, уже не во всех «ситуациях» способна предложить адекватное решение проблем. Одни причины кризиса – лежат на поверхности и носят объективный характер, другие – обладают латентными свойствами и обусловлены особенностями, не имеющими к нему непосредственного отношения, но в любом случае каждая из них «внесла свою лепту» сначала в процесс деградации ценностей, заменив их суррогатом из мультикультурализма, политкорректности и толерантности, а затем и институтов, лежавших в основе либеральной демократии.

Вопросы, ответам на которые посвящено настоящее исследование, не в том, что кризис носит прежде всего системный и институциональный характер (об этом уже не спорят даже ортодоксальные приверженцы либерализма): к чрезмерной радости одних и сожалению других, он приобретает такие черты и особенности, не говоря о тенденциях, благодаря которым в среде историков государства и права, конституционалистов, социологов начинают преобладать откровенно пессимистические прогнозы, в случае реализации которых будут утрачены не только традиционные нравственно-этические ценности, нормы и правила индивидуального и коллективного поведения, закрепленные, в том числе, в учредительных документах или действующем законодательстве, но и общество и

государство в их, так сказать, современном значении, где мнение «большинства», а не какого-либо «меньшинства», является фундаментом как формы правления, так и политического режима, существующих в стране. У нас нет и тени сомнений, что «выход» из создавшегося положения будет так или иначе найден, беспокоит совсем другое – темпы, с которыми последовательно разрушается и приходит в упадок все то, что в представлениях здоровой части общества ассоциируется с демократией в ее либеральном варианте и правами человека. Общество не просто меняется, оно стоит на пороге деформаций, ни с чем качественно не сравнимых, и лишь отчасти сопоставимых с процессами, наблюдавшимися при постепенном переходе от феодально-абсолютистской системы отношений к принципиально иной цивилизационной парадигме.

Совершенно не идеализируя форму правления и политический режим тех стран, которые позиционируют себя (справедливо или нет другой вопрос) в качестве «оплота демократии» и «примера для подражания», мы приходим к выводу, что предпосылки кризиса, как «пандемия» поразившего государства Старого и Нового Света, корнями уходят в периоды становления и развития национальной государственности буржуазного типа как англосаксонского, так и романо-германского образца, в рамках которых формировались основные, отвечавшие требованиям дня публичные и общественные механизмы тесного взаимодействия бюрократии, фактически олицетворявшей государство и его разнообразные институты, и «источника» и «носителя» власти в лице широких слоев дееспособного населения. Именно то, каким образом протекал процесс легитимации и санкционирования прав и свобод человека, оказывает прямое или косвенное влияние на деградацию и девальвацию одних из них, все более утрачивающих актуальность и востребованность, и трансформацию других. С чем в итоге столкнутся «большинство» и «меньшинство» предсказать сложно, и именно поэтому вопросов больше, чем ответов, каким бы ни был «прогноз» дальнейшего развития событий. Время все «расставит» по своим местам, тем более что соответствующие тенденции *de facto* уже стали реальностью.

Научная новизна исследования не в последнюю очередь связана с тем существенным обстоятельством, что, констатируя тот факт, что, наблюдаемые в странах англосаксонской и континентальной традиции тенденции, все более отчетливо свидетельствующие о регрессе и деградации либеральной модели общественных отношений, системно-институциональный характер которых в целом не вызывает каких-либо сомнений или принципиальных возражений, узкому специалисту крайне сложно разобраться в тех проблемах, с которыми столкнулись национальные и наднациональные правящие элиты и широкие слои населения крупнейших государств Старого и Нового Света, заявляющих о себе как об «оплоте демократии» и «примере для подражания». Социально-культурный, морально-нравственный, политико-правовой и идеологический кризис, переживаемый евроатлантической цивилизацией, олицетворяющий собой стагнацию и постепенное загнивание базовых основ государственности, невозможно понять и тем более объяснить без критического сравнительного анализа процессов, с которыми были связаны отличительные особенности и специфика становления и развития

западной модели политического режима в масштабах соответствующего исторического этапа. Именно «особенности» и «специфика», присущие тому либо иному государству, позиционирующему себя в качестве «либеральной демократии», позволяют выявить и обосновать фиктивный – ярко выраженный или латентный – характер системообразующих институтов и процедур, закрепленных в учредительных актах и аналогичных документах высшей юридической силы, начиная с общественного договора и заканчивая избирательным правом и парламентаризмом, которые в течение многих лет рассматривались не только важнейшим критерием, при помощи которого оценивались, с точки зрения их демократичности, формы правления и политические режимы конкретных стран, но и мотивирующим аргументом, в случае необходимости их реформирования или модернизации.

Нельзя сказать, что проблемы, ставшие предметом и объектом данного сравнительно-правового исследования, ранее вообще не входили в перечень тех вопросов, изучение которых давало возможность научного осмысления и последующего формулирования обобщений и выводов, опровергающих либо подтверждающих ту или иную концепцию, нередко основанную на штампах, шаблонах и стереотипах, с течением времени преимущественно сложившихся в рамках англосаксонского и романо-германского восприятия исторического процесса, его специфики и закономерностей. Одной из причин, побудивших к тому, чтобы по-новому взглянуть на общеизвестные факты, конституционные акты и иные источники, анализу которых посвящены многочисленные работы ученых, это фальсификация и переписывание истории целого ряда государств, народов и этносов, негативные последствия которых – трудно предугадать.

Тенденции, связанные с «новым прочтением» общеизвестных фактов и событий, все более активно проявляющие себя в Соединенном Королевстве, большинстве стран Европейского союза (прежде всего в бывших метрополиях колониальных империй, в течение нескольких столетий (!) исповедовавших в своей внешней политике идеологию «бремени белого человека», основанной на исключительно расистском восприятии туземных народов) и Соединенных Штатах, направлены на то, чтобы вывести за скобки исторического процесса все те многочисленные «эксцессы исполнения», с которыми ассоциировались либеральная демократия и ее системообразующие институты. Как ни странно, в этом не видят ничего предосудительного и экстраординарного, выходящего за традиционные рамки научной этики и методологии критического анализа, целенаправленно и последовательно «обеляя» черное и «очерняя» белое, не только возводя в абсолют многое из того, что этого – вообще не заслуживает, причем ни при каких условиях, но и местечковое провозглашая глобальным, а глобальное местечковым. В этой связи, наша задача, помимо всего прочего, состояла в том, чтобы, оставаясь на позициях историко-правового анализа и компаративизма, подтвердить либо опровергнуть не только объективный, но и востребованный со стороны компрадорских правящих элит, ближайшего к ним окружения и аффилированных с ними финансовых или промышленных олигархических групп алгоритм тенденций подобного рода, обусловленный мифологизацией процесса

государственного строительства и стремлением по-прежнему выдавать «желаемое» за «действительное» положение дел, не имея к этому соответствующих оснований. О системно-институциональном кризисе, поразившем в последние годы евро-атлантическую цивилизацию в лице крупнейших государств англосаксонской и континентальной традиции, и продолжающему по-прежнему углубляться, затрагивая самые разные области общественных отношений, можно получить более адекватное представление лишь всесторонне исследовав проблемы, уходящие своими корнями в период генезиса социально-политического феномена, который мы условно назвали – «западной» моделью демократии. Именно этим обстоятельством во многом объясняется тот факт, что в работе отсутствует анализ той ситуации, которая наблюдается в государствах англосаксонской и континентальной традиции в настоящее время, так как нами преследовалась четко обозначенная цель: дать оценку предпосылкам, тенденциям и характеру тех процессов, закономерным итогом которых станет системно-институциональный кризис (игнорирование либо отрицание которого – под любыми «благовидными» предложениями – только спровоцирует конфликт, делая его еще более непредсказуемым), поразивший политические режимы, осознанно или неосознанно позиционирующие себя в качестве «оплота демократии» и «примера для подражания».

Исследование носит комплексный историко-правовой и сравнительно-правовой характер, охватывающий не только период становления и развития «западной» модели демократии (при всех ее достоинствах и недостатках), но и те процессы, наличие которых отчетливо свидетельствует о трансформации и качественном перерождении базовых буржуазно-либеральных институтов, длительное время олицетворявших собой конституционно-правовые формы и механизмы взаимодействия правящих элит и широких слоев населения. Кем воспринимается народ – источником и носителем власти, овеществлением и материализацией которой является демократия, ассоциируемая с обществом потребления и абсолютизацией прав и свобод человека и гражданина, или ширмой, благодаря которой, несмотря на декларации и пафос учредительных документов, власть концентрируется в руках тех, кого принято рассматривать господствующим классом? Вопрос, ответ на который пытались и продолжают пытаться найти исследователи, тем не менее он по-прежнему чрезвычайно актуален и востребован, так как каждая новая стадия исторического процесса требует – при обязательном сохранении преемственности – нового взгляда на «старые» проблемы, в том числе и те, которые в той либо иной степени ранее уже были предметом и объектом научного анализа. Ситуация, вызванная или спровоцированная стагнацией мировоззренческой парадигмы, способствует тому, чтобы акценты были смещены в область тех проблем, о которых прежде предпочитали – либо вообще ничего не говорить, либо придерживаться точки зрения, господствовавшей в странах англосаксонской и романо-германской традиции, и в течение многих лет считавшейся, по существу, официальной. Как ни парадоксально на первый взгляд, правящим элитам не составило большого труда внушить широким слоям населения, используя для этого самые разные, от популизма и демагогии до

псевдоисторических мифологем, инструменты, средства и методы воздействия, что современное «общество потребления», сложившееся в течение второй половины XX столетия, представляет собой не что иное, как «образцовую модель» политического режима, которая должна была восприниматься в качестве единственного «примера для подражания» для народов, освободившихся от тоталитаризма (в любых его разновидностях, формах и «проявлениях») или колониальной зависимости, и вставших на путь самостоятельного цивилизационного развития. В итоге, «постмодернистская» демократия и общество потребления были провозглашены правящей элитой тождественными понятиями, а воплощением народного суверенитета стали рассматриваться электоральные процедуры и представительство. В этой связи одной из приоритетных задач настоящего исследования автор считает анализ формирования предпосылок деградации системообразующих институтов, во многом ускоривших процесс регресса либеральной модели демократии.

Несмотря на то обстоятельство, что о тенденциях кризисного характера, в той или иной степени связанных с институализацией и функционированием либерального политического режима, на уровне фундаментальных научных исследований говорится уже более века, начиная с хрестоматийных «Заката Европы» Освальда Шпенглера и «Психологии народов и масс» Густава Лебона (описавшего специфику охлократии) и заканчивая «Тенями завтрашнего дня» Йохана Хейзинга, «Кризисом современного мира» Рене Генона, «Похищением истории» Джека Гуди и «Смертью Запада» Патрика Бьюкенена, справедливым и исключительно оправданным будет вывод о том, что на настоящий момент отчетливо ощущается дефицит критических обобщающих работ, посвященных указанной проблеме, тем более на фоне тех беспрецедентных общественных процессов, невольными свидетелями которых мы являемся.

Не будет преувеличением тот факт, в целом не вызывающий каких-либо принципиальных или, заслуживающих внимания, существенных возражений, что становление и развитие «западной» – буржуазно-либеральной – модели политического режима в большей либо меньшей степени опирались на идеи, сформулированные в работах античных и средневековых мыслителей, к числу которых нельзя не отнести: Аристотеля, Платона, Солона, Демокрита, Сенеку, Цицерона, Саллюстия, Никколо Макиавелли, Жана Кальвина, Этьена Ла Боэси, Жана Бодена, Бенедикта Спинозу, Френсиса Бэкона, Томаса Гоббса и других светских и религиозных представителей философской и правовой доктрины, заложивших теоретический фундамент системных преобразований, имевших место при переходе от абсолютизма феодальной общественной формации к республиканской форме правления, ограниченной монархии и демократии, интерпретаторами концепций которых выступили – Джерард Уинстенли, Блез Паскаль, Гуго Гроций, Джон Локк, Жан Мелье, Шарль Луи Монтескье, Франсуа Мари Вольтер, Жан-Жак Руссо, Габриэль Бонно Мабли, Бенджамин Франклин, Давид Юм, Дени Дидро, Поль Анри Гольбах, Иоганн Готлиб Фихте, Вильгельм Гумбольдт, Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Рудольф Иеринг, Иммануил Кант, Иеремия Бентам, Клод Анри Сен-Симон, Огюст Конт, Артур Шопенгауэр, Людвиг

Андреас Фейербах, Роберт Оуэн, Джон Стюарт Милль, Томас Пейн, Томас Джефферсон, Алексис де Токвиль, Фридрих Ницше, Людвиг Гумплович, Макс Штирнер, Фердинанд Лассаль, Георг Еллинек, Герберт Спенсер и многие их апологеты, последователи и оппоненты.

Вместе с тем нельзя не констатировать, что в исследованиях указанных авторов, давно ставших теоретическим наследием англосаксонской и романо-германской научной мысли, проблемам, являющимся предметом и объектом настоящей диссертации, к сожалению, должного внимания не было уделено.

Следует признать, что многие работы, какой бы период при этом мы ни взяли в качестве наглядной иллюстрации, как правило, носили описательный, некритический характер, в рамках которого преобладал историко-правовой и, в отдельных случаях (в основном в масштабах учебной и публицистической литературы), сравнительно-правовой анализ с элементами, присущими, чаще всего, конкретной научной школе или доктрине. В этой связи можно выделить исследования таких ученых, как Жюль Мишле, Томас Карлейль, Альбер Венн Дайси, Генри Томас Бокль, Франсуа Пьер Гильом Гизо, Джеймс Форд Родс, Макс Вебер. Достаточно весомую роль в популяризации «западной» модели политического режима сыграли отечественные компаративисты, теоретики и историки государства и права: Н.И. Кареев, В.И. Герье, А.М. Виноградов, М.М. Ковалевский, Ю.С. Гамбаров, А.Д. Градовский, Ф.М. Дмитриев, Н.И. Зибер, В.Н. Дурденевский, М.Н. Капустин, Л.А. Комаровский, Н.М. Коркунов, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, А.В. Романович-Славатинский, Г.Ф. Шершеневич и др.

Процесс государственного строительства, наблюдавшийся в Старом и Новом Свете, его специфические черты, характер и особенности со временем начинают приобретать соответствующие тенденции, прежде всего в контексте демократизации общественных отношений, прямо или косвенно связанных с организацией и деятельностью представительных органов публичной власти, расширением прав и свобод граждан и подданных, что не могло не отразиться на представлениях, в той либо иной степени отражавших мировоззренческую, идеологическую, институциональную, правовую, социальную и нравственную трансформацию, обусловленную, помимо прочего, тем обстоятельством, что между теорией и практикой все более отчетливо начинают проявляться черты, диссонирующие с «книжным» образом либеральной демократии.

Исследования второй половины ушедшего столетия, многие из которых носили фундаментальный характер, посвященные проблемам демократии, ее формам и системообразующим институтам, были обусловлены стремлением правящих элит создать у широких слоев населения устойчивое впечатление о том, что по существу единственным «примером для подражания» для стран и народов, освободившихся от колониальной зависимости и вставших на путь самостоятельного развития, является демократия «западного» типа. Вместе с тем и в советской, и в зарубежной компаративистике критический характер целого ряда работ нередко превалировал над конъюнктурным. В частности, речь идет о таких авторах, как Иммануил Валлерстайн, Майкл Манн, Фернан Бродель, Улик Варандж, Гордон Вуд, Норберт Элиас, Уильям Ширер, Михаэль Штолляйс, Свен

Беккерт, Маркус Родигер, Л.Я. Дадиани, С.Ю. Данилов, О.А. Жидков, Д.А. Ковачев, С.И. Коданева, В.И. Лафитский, В.В. Согрин, В.Е. Чиркин.

Высоко оценивая вклад перечисленных историков государства и права, теоретиков, компаративистов, государствоведов, политологов, религиозных и светских философов, футурологов в развитие представлений о народовласти и его системообразующих институтах, вместе с тем нельзя не признать вполне очевидный факт, что в подавляющем большинстве случаев их исследования касались, преимущественно, анализа отдельных аспектов цивилизационного социально-политического феномена, известного в практике государственного строительства подавляющего числа стран под дефиницией «демократия», не рассматривая специфики, тенденций и особенностей исторического процесса, наблюдавшихся, с различной степенью интенсивности, по существу в течение всего периода становления и эволюции парламентаризма, непосредственных форм демократии и самоорганизации населения, закономерным «итогом» которых станет трансформация либеральной модели политического режима, его стагнация и постепенная деградация. Полностью игнорируя, причем под самыми благовидными предлогами, или намеренно не обращая внимание на соответствующие проблемы государственного строительства какой-то страны или группы стран англосаксонской и романо-германской традиции, в течение многих лет «желаемое» выдавалось за действительное положение дел, даже в тех экстраординарных случаях, когда традиционно замалчиваемый вопрос приобретал широкую известность. Современный кризис «западной» модели демократии имеет не только глубокие национальные, но и наднациональные корни, многие из которых неплохо изучены в контексте историко-правовых и сравнительно-правовых проблем государств Старого и Нового Света, в то же время у ученых нет четкого представления о том, чем обусловлены масштаб и системный характер социального явления, в своих чертах практически мало в чем отвечающего «классическим» либеральным идеологемам, стереотипам и критериям, повсеместно – в рамках «вестернизации» институтов и процедур – насаждавшимся в течение достаточно продолжительного периода времени.

Данное исследование в той либо иной степени восполняет этот пробел, формулируя, посредством критического историко-правового и сравнительно-правового научного анализа, авторское понимание во многом закономерного и, вне всякого сомнения, объективного характера тех социально-политических тенденций и предпосылок, благодаря которым процесс стагнации, регресса и перманентно углубляющейся деградации затронул большинство важнейших, системообразующих институтов, традиционно ассоциируемых с «западной» моделью демократии, «западными» ценностями и мировоззрением. В связи с чем возник кризис, вот тот вопрос, один из ответов на который пытается дать автор, предлагая в качестве гипотезы собственную версию развития событий, акцентируя внимание на тех странах, где этот процесс наиболее очевиден.

Цели и задачи исследования вытекают из необходимости обосновать и аргументированно доказать дискриминационный, фиктивный, популистский и декларативный характер «западной» демократии как одной из политико-правовых

концепций либеральной модели народовластия, в основе которой лежали механизмы, полностью лишавшие или существенно ограничивавшие права и свободы определенных категорий населения по гендерным, расовым, этническим, религиозным, сословным, имущественным и иным признакам.

С учетом указанной специфики одной из наиболее приоритетных целей настоящего историко-правового и сравнительно-правового исследования стал критический анализ процесса конституционно-правовой легитимации прав и свобод человека и гражданина, провозглашавших народ источником власти и носителем суверенитета, и теоретического обоснования подобного статуса в фундаментальных работах представителей соответствующих доктрин, школ и направлений англосаксонской и романо-германской научной мысли. В итоге это потребовало решения нескольких, взаимосвязанных между собой, задач:

- определить предпосылки, тенденции и характер кризиса социально-экономических и политико-правовых отношений, охватившего в последние десятилетия ведущие и наиболее успешные страны «коллективного Запада», закономерность которого в подавляющем большинстве случаев обусловлена национальными особенностями государственного строительства, имевшими место в течение конкретного периода, стадии или этапа, либо в масштабах цивилизационного развития в целом;

- выявить отличительные черты, исторически присущие политическим режимам, идентифицируемым в качестве «западной» модели демократии, акцентируя внимание на системообразующих институтах, процедурах, правах, свободах, формировавших специфические механизмы осуществления власти в рамках республиканской или монархической формы правления, уровень и пределы вовлеченности широких слоев населения в процесс прямого либо косвенного управления государством и его структурами;

- показать наличие несоответствия между концепцией народовластия, в основе которой лежат принципы всеобщности и равенства прав дееспособных граждан и подданных, реализуемых непосредственно либо через легитимных представителей, действующих в органах государственной власти и местного самоуправления, и практикой ее воплощения, в течение длительного времени базировавшейся на запретах и ограничениях, лишавших преобладающую или значительную часть женского и мужского населения возможности избирать и быть избранными, тем самым выводя их за рамки политического процесса;

- исследовать генезис научных представлений о демократии как одной из форм политического режима, оказавших влияние на процесс становления и развития парламентаризма, олицетворяющего собой либеральную модель народовластия, системообразующим элементом которой со временем стало общество потребления в его западной интерпретации (за глянцевым фасадом «благоденствия и благополучия» которого скрываются многочисленные, и все более увеличивающиеся проявления авторитаризма и тоталитаризма, в том числе нарушения фундаментальных прав и свобод человека, неокOLONиализм и неонацизм), сначала подменившем, а затем полностью заменившем собой демократию в ее первоначальном доктринальном значении;

- обосновать объективный характер противоречий между абстрактными декларациями учредительных актов, нормы которых, как правило, являлись результатом вынужденного компромисса, достигнутого правящими элитами и аффилированными с ними экономически господствовавшими социальными группами, практикой их легитимации, регламентации и реализации органами законодательной, исполнительной и судебной власти общенационального и регионального уровня, в деятельности которых преобладали латентные или отчетливо выраженные ограничительные механизмы, вызванные этнической и расовой принадлежностью субъектов общественных отношений;

- актуализировать вывод о том, что многие так называемые «завоевания народовластия», на которых с течением времени был сформирован базовый мировоззренческий фундамент «западной» модели демократии, не имеют к ней никакого отношения, и в целом носят откровенно мифологизированный, популистский и лицемерный характер, способствовавший созданию в глазах широких слоев населения Старого и Нового Света того «книжного» образа, с которым традиционно, независимо от республиканской или монархической формы правления, ассоциируются либеральная демократия и ее важнейшие, системообразующие институты, процедуры, ритуалы и ценности;

- подтвердить тот факт, что одним из наиболее дискриминированных, на известных стадиях процесса государственного строительства «вторичных» сегментов буржуазного общества являлись, невзирая на цвет кожи, расовую, этническую, религиозную и социальную принадлежность, представительницы женского пола, не только юридически пораженные в соответствующих правах, но и выведенные за рамки широкого спектра общественных отношений, в той или иной степени связанных с осуществлением гражданами или подданными непосредственных и представительных форм демократии, самоуправлением, прохождением государственной службы, отправлением правосудия и иными легальными сферами публичной деятельности;

- опровергнуть господствующую среди просвещенной части общества и крупнейших представителей научной мысли «коллективного Запада» точку зрения, согласно которой единственным, заслуживающим полного доверия и непререкаемым «примером для подражания» для народов, освободившихся от тоталитаризма, колониальной зависимости, иных форм и разновидностей не суверенного развития, является «вестернизация» политического процесса, в целом или преимущественно основанная на парламентаризме и механизме «сдержек и противовесов», корни которых, хотя и уходят в период буржуазно-либеральных революций конца XVIII – середины XIX века, тем не менее, как и прежде, не утратившими своей актуальности и востребованности;

- установить причины, вызвавшие системную деградацию институтов, при их внешней неизменности, в течение многих лет олицетворявших собой «западную» модель демократии как формы политического режима, одним из базовых механизмов которого при формировании представительных органов считалось неукоснительное соблюдение прав электорального «большинства» и «меньшинства», независимо от специфики партийной ориентации и прочих

особенностей, в результате способствовавшие трансформации коллективных и индивидуальных представлений о характере и предназначении публичной власти, выражающей интересы широких слоев населения, исповедующих, как правило, традиционные ценности, одновременно учитывающей легитимные требования всевозможных «меньшинств», их «объединений» и «сообществ», нарушающих в той либо иной степени баланс прав, свобод и обязанностей, сложившийся в рамках современного общества потребления;

- проиллюстрировать фиктивный характер системы разделения властей, действующей в республиках и ограниченных монархиях парламентского типа, общепринятым выражением которого рассматривается партийный критерий формирования национального правительства, предполагающий совмещение «депутатского мандата» и «министерского портфеля», когда конкретное лицо, избранное в орган представительной власти, одновременно занимает кресло руководителя одной из исполнительных структур, тем самым ассоциируясь с обеими ветвями публичного механизма, что не может не свидетельствовать о не соблюдении важнейшего принципа, олицетворяющего собой либеральную модель народовластия, являющегося фундаментом организации институтов «западной» демократии и конституционного строя в целом;

- констатировать комплексный – мировоззренческий, идеологический, политический, социальный и культурный – характер кризиса, охватившего на рубеже веков системообразующие институты крупнейших государств Старого и Нового Света, позиционирующих себя в качестве «оплота демократии».

В результате проведенного сравнительного конституционно-правового и историко-правового анализа феномена, именуемого «западной» моделью демократии, автор пришел к следующим **выводам и обобщениям**, в большей либо меньшей степени позволяющим констатировать тот очевидный факт, что он находится на одной из стадий масштабного системно-институционального кризиса, охватившего важнейшие области мировоззренческих, социальных и политических отношений, обусловленных, вызванных или спровоцированных рядом фундаментальных тенденций, предпосылками которых стали характер и особенности процесса либерализации и демократизации формы правления и политических режимов крупнейших государств Старого и Нового Света.

1. В первую очередь речь идет об *идеологическом кризисе*, поразившем так либо иначе базовые представления о государстве и праве как структурных элементах «надстройки», во многих аспектах все активнее воспринимаемых в контексте, последовательно, целенаправленно, нередко безапелляционно и, как правило, безальтернативно навязываемых традиционному гражданскому обществу современных «ценностных доминант» типа мультикультурализма, политкорректности и толерантности, формально не отрицающих деклараций о «свободе, равенстве и братстве» буржуазно-либеральных революций конца XVIII – середины XIX века, однако на практике имеющих с ними мало общего и лишь незначительное число точек соприкосновения, не выходящих за рамки классических постулатов, стереотипов и идеологем. Как ни парадоксально, но в этом нет ничего экстраординарного, из ряда вон выходящего, так как слова,

начерченные на революционных знаменах, провозглашенные затем в первых учредительных актах, носили характер «желаемого», «гипотетической цели», и, по существу, никогда не были реализованы в «действительности» в полном объеме. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть, как диссонировали в течение длительного периода времени, например, положения «Декларации независимости» Соединенных Штатов («исходим из самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся... свобода и стремление к счастью») или французской «Декларации прав человека и гражданина» («... люди рождаются и остаются свободными и равными в правах»), на фоне того, что женщины получили избирательные права в одном случае через сто сорок четыре года, в другом – через сто пятьдесят семь лет после их провозглашения в официальных документах. Другими словами, значительная часть населения ограничивалась в правах и дискриминировалась по «половому» признаку, не говоря уже о том, что не менее знаковым было наличие «colored» ценза.

2. Нет смысла подвергать сомнению вполне очевидный факт, что, начав, в результате революционных либо эволюционных преобразований, имевших место в соответствующем государстве с монархической или республиканской формой правления, «цивилизационный переход» к буржуазно-либеральному этапу своего развития, общество и правящая элита столкнулись с проблемами, вызванными не только процессами, в целом в большей или меньшей степени «характерными» для экономических, социальных и политических отношений предшествующего исторического периода (во многих случаях тормозившими, ограничивавшими либо сдерживавшими поступательное движение вперед), но и тенденциями, обусловленными формированием принципиально новых, ранее не актуальных или не востребованных – в силу как объективных, так и субъективных причин – со стороны участников публично-правовых отношений конкретных сфер, областей и направлений деятельности. Причем отдельные тенденции, на протяжении нескольких веков наблюдавшиеся в государствах Старого и Нового Света, независимо от конституированной формы правления, традиционно позиционирующих себя в качестве «примера для подражания», достались им «в наследство» от прежних стадий общественного развития без существенных трансформаций и кардинальных изменений, как с точки зрения декларирования фундаментальных прав и свобод, так и их реализации. Что в итоге не могло не отразиться на статусе соответствующих социальных групп и их непосредственном участии в реализации конкретных форм демократии.

Речь идет, в том числе, о так называемом «женском вопросе», одном из наиболее проблемных в контексте процесса государственного строительства, нерешенность и «факультативность» которого, преимущественно носивших перманентный характер, свидетельствуют, помимо всего прочего, о том, что либеральная модель демократии, как ни парадоксально, дискриминационна по своей сути и содержанию, так как «слабый пол» (какое бы государство мы ни взяли в качестве наглядного примера, за исключением «Града на холме» в начальный период колонизации и хозяйственного освоения англо-британских «заморских

территорий», когда ортодоксальные протестантки и прибывшие из Старого Света на заработки по договору найма в виде законтрактованных сервентов по чисто объективным причинам не могли составлять какого-либо большинства («переселенцев») в процентном отношении практически во всех европейских государствах, преобладая над мужской частью населения, был в течение длительного периода времени *de jure* полностью или в значительной степени поражен в правах и, по существу, «выведен за скобки» политического процесса. «Вторичность» статуса представительниц «слабого пола» носила во многом легитимный характер, что говорит – о целенаправленном нежелании правящих элит адекватным образом решать столь «щекотливую» проблему.

3. Фиктивность термина «всеобщность», обозначавшего равенство прав и свобод мужской части населения (причем последнее весьма длительное время наблюдалось при любой форме правления), отвечавшей необходимым требованиям, объективно не может не бросаться в глаза, особенно с учетом не всегда и не во всем оправданной абсолютизации прав и свобод человека, в первую очередь всевозможных «меньшинств», все больше приобретающей гипертрофированный характер, к которым на определенном этапе развития и трансформации публичных отношений относились не только многочисленные представительницы «слабого пола» и «colored», но также деклассированные или малоимущие слои мужского населения. Не будем лукавить, говоря о том, что для периодов практически массовой безграмотности подобные действия правящих элит были оправданы и целесообразны, тем более в контексте того, что самые разные сферы общественных отношений – от образования и науки до условий и оплаты труда – носили «гендерный» оттенок, в то же время у нас нет никаких оснований игнорировать аналогичные тенденции, применимо к государствам Старого и Нового Света конца XIX – середины XX века, особенно для тех, кто как Соединенное Королевство, Франция или Соединенные Штаты традиционно рассматриваются странами, освободившимися от колониальной зависимости, «примером для подражания». О каком народовластии вообще может идти речь, если граждан или подданных дискриминировали в правах, исходя из половой, расовой либо этнической принадлежности, в том числе с учетом того факта, что конституционное законодательство буквально пестрит словами типа «народ», «нация», «народный суверенитет» (избегая вместе с тем термина «демократия»), по существу, юридически девальвировавшимися и утратившими свой первоначальный, хрестоматийный, «книжный» смысл?

С учетом сказанного как минимум не меньшее недоумение вызывает и дефиниция «равенство», реализация которой немислима без актуализации и введения в практику института «всеобщности» избирательных прав, в связи с чем возникает резкий диссонанс между «желаемым» и «действительностью», который, в свою очередь, провоцирует достаточно скептическое отношение к обоснованности обозначения этих государств «демократическими». У тех, кто в силу ряда причин далек не только от сравнительного правоведения, но и от всего, что так или иначе связано с историей государства и права зарубежных стран, констатации подобного рода нередко вызывают не во всем адекватную и научно

приемлемую «реакцию», обусловленную, как правило, тенденциями последних десятилетий, однако корректно ли (?) оспаривать столь очевидные и абсурдные вещи при условии, что избирательным правом американки стали обладать с 1920 года, благодаря XIX поправке к Конституции, а француженки или те же итальянки – только после окончания Второй мировой войны.

4. Как показывает критический сравнительно-правовой анализ теории и практики государственного строительства исследуемых стран, народовластие не всегда интерпретируется в контексте республиканской формы правления, иными словами монархия – также может обладать специфическими чертами, присущими демократическому политическому режиму. Более того, события в Соединенном Королевстве, Голландии, Бельгии, Швеции, Норвегии и целом ряде других государств, в частности Японии, наглядно свидетельствуют о том, что, даже, несмотря на буржуазно-либеральные революции, республиканизм продолжительное время не пользовался не только ажиотажным, но и вообще каким-либо спросом у господствующих классов и бюрократии, и лишь родина одной из первых революций в течение всего XIX века переживала процесс так называемого «ребрендинга», когда в рамках поколения французы несколько раз «меняли» привычную для большинства монархическую форму правления на республиканскую и наоборот. Период с конца XVIII века в отечественной и зарубежной историко-правовой и конституционно-правовой литературе чаще всего принято называть эпохой «демократических революций», тем не менее, проведенное исследование говорит в пользу того факта, что целесообразнее его и все, что с ним связано, именовать не иначе, как эпохой «республиканских революций» (может быть, поэтому термина «демократия» старались избегать и в документах, и в официальной лексике), так как именно республиканизм и республиканские принципы организации публичной власти, а не демократия, в ее идеологическом толковании, покончили с абсолютистскими режимами. Как ни парадоксально, но перечисленные выше конституционные монархии и достаточно «эсклюзивные» для конца XVIII – середины XIX века республики, которые можно было, не учитывая «латиноамериканский регион», где речь в целом идет о национальной специфике, пересчитать по пальцам одной руки, по существу практически ничем, в том числе прямыми и косвенными формами демократии, перечнем прав и свобод, разделением властей, принципиально не отличались друг от друга, более того, европейские монархии выступали во многих «ситуациях», как ни удивительно на первый взгляд, «локомотивами» либерализации и демократизации публичных отношений, уже тогда являясь в той либо иной степени «современными». Для этого достаточно посмотреть на действующее законодательство, без учета соответствующих «новелл» второй половины XX века, чтобы убедиться в сказанном. Не здесь ли следует искать предпосылки, особенности и отличительные черты тех тенденций, с которыми связан кризис «либеральной» демократии, системный и институциональный характер которого вполне очевиден и не вызывает сомнений? Следовательно, республика и народовластие – далеко не синонимы, так как существующие на настоящее время монархии практически ничем не отличаются от республик.

5. Не менее фундаментальной предпосылкой масштабного и – de facto – все более углубляющегося и расширяющегося системно-институционального кризиса, поразившего в последние десятилетия явление, условно именуемое нами «западной» моделью демократии, следует рассматривать стагнацию и, перманентно набирающую обороты, деградацию традиционной социальной структуры общества, что, в свою очередь, вызвало актуализацию тенденций, о которых прежде речь не могла возникнуть по определению, так как для них – не было ни «условий», ни каких-нибудь исторически обусловленных причин, за исключением тех, что непосредственно связаны с колониальным периодом отдельных европейских государств или эпохой рабовладения за океаном. Но «фантомные боли» ушедших, как казалось сравнительно недавно, в прошлое отношений переживают своего рода ренессанс, инициированный потомками, с одной стороны, иммигрантов из стран «третьего мира», не сумевшим или не захотевшим приспособиться к качественно новым для них условиям, с другой – «colored people», испытавшим воздействие механизмов дискриминации по расовому и этническому признаку в форме пресловутой сегрегации. И первые, и вторые активно и настойчиво требуют «возмещения ущерба», полученного когда-то в результате неадекватных действий метрополий в лице чиновников колониальных администраций, частных или юридических лиц в их «заморских территориях», экстраполируя на максимально широкий круг отношений, в том числе и на стадию строительства государственности суверенного типа. Таким образом, социальное равенство как один из «демократических» критериев на протяжении длительного времени в ряде аспектов носило абстрактный или откровенно демагогический характер, отражением которого стал диссонанс между «желаемым» (наглядным «классическим примером» можно считать декларативность XIV и XV поправок к федеральной Конституции, нашедшую юридическое закрепление в пресловутой доктрине «равных, но разделенных прав» Верховного суда) и действительностью в виде ксенофобии, апартеида, других североамериканских и европейских дискриминационных практик.

Социальный кризис «западной» модели демократии, помимо прочего, проявляется в цивилизационных противоречиях, связанных с историческими, культурными, нравственно-этическими, конфессиональными предпочтениями не только белых и «colored» слоев населения, но и различных категорий и групп граждан или подданных внутри них, особенно тех, кто, несмотря ни на что, игнорирует все более зависимый характер отношений, необходимость и востребованность конвергенции: традиционный «конфликт поколений», тем самым, выходит за гипотетические рамки коллизий иммигрантов «первой» и всех последующих волн, принципиально иначе воспринимающих длительный и неизбежный процесс культурной и мировоззренческой интеграции.

6. Ситуация усугубляется и еще одним существенным обстоятельством – ложно понимаемыми и интерпретируемыми «ценностями», в центре которых «лежат» мультикультурализм, политкорректность и толерантность, по многим аспектам дискредитировавшими себя в глазах представителей традиционных гендерных и брачно-семейных отношений, исповедующих совершенно иные, чем

так называемые «меньшинства», численность и амбиции которых растут, по существу, в режиме «снежного кома», взгляды, как правило основанные на вековых христианских постулатах, в значительной степени диссонирующих с «тенденциями», отчетливо наблюдаемыми в странах, ассоциирующих себя с «западной» моделью демократии. Современная «парадигма» общественного развития так или иначе свидетельствует о том, что если на известных стадиях государственного строительства социальная стратификация и, как следствие, властно-политическая дифференциация определялись имущественным либо наследственным характером статуса соответствующих категорий граждан или подданных, то в последние годы начинают проявляться тенденции, базовыми предпосылками которых становятся требования об отказе от традиционных, как архаичных и «социально устаревших», взглядов на «классификацию» прав и свобод человека, с учетом гендерной и прочей «эксклюзивности» отдельных групп населения, где уже нет «ячейки общества» в обычном смысле слова (как «союза мужчины и женщины»), а превалируют отношения «родителя номер один» и «родителя номер два», где существует так называемый «третий пол», пропагандируется инцест, эвтаназия и целый «спектр» идентичных «новелл». Действующее законодательство во многих случаях объективно не успевает за «требованиями дня», поэтому все активнее нормотворчеством в тех областях, где отсутствуют необходимые правовые акты, начинают заниматься институты судебной власти, вторгаясь тем самым в полномочия других ветвей и нарушая принцип разделения властей. Причем отмеченная тенденция имеет место как в государствах англосаксонской, так и романо-германской традиции.

Именно социальный кризис, отчетливо наблюдаемый «невооруженным взглядом» в масштабах либеральной демократии, в итоге свидетельствует, во-первых, о том, что необходима ревизия классификации не только прав, свобод и законных интересов, но и обязанностей, и во-вторых, что общепринятая до сих пор система разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную постепенно утрачивает свой потенциал и устойчивость, и нуждается в кардинальном реформировании или радикальной модернизации. При этом общество и правящие элиты должны понять, есть ли у преобразований такого рода «пределы», то есть, где та, условно говоря, «красная черта», которую ни при каких условиях нельзя переступать, в противном случае о «коллективном Западе» придется рассуждать исключительно в прошедшем времени.

7. Однако главное даже не в том, что традиционный социальный состав общества меняется прямо на глазах, а в том, что «ценности», присущие лишь определенным группам населения, навязываются всем тем, кто не приемлет и не разделяет их, то есть нарушается важнейший принцип демократии, когда системообразующие, тем более принципиальные для государства и общества решения принимаются – простым либо квалифицированным большинством голосов дееспособных граждан и подданных, с обязательным учетом мнения «меньшинства», либо референдумом, либо на уровне конкретных институтов представительной власти. Парадокс состоит в том, что в угоду «меньшинству» в той или иной степени попирают права «большинства», исповедующего иные

ценности, что ни при каких условиях не является признаком «народовластия» и подлинной демократии. «Специфика» статуса, вытекающая из особенностей частнопроводных отношений, приобретает все более выраженный публичный характер, требуя от правящих элит, представляющих государство, нахождения компромисса между сторонниками диаметрально противоположных точек зрения, что в итоге может привести не просто к отказу от «архаичных», на чей-то взгляд, шаблонов и стереотипов, а к фундаментальной переоценке всего того, что понимается под правами и свободами человека в их традиционном, в том числе конституционно-правовом, значении. Речь не идет об очередных «страшилках» и «фобиях», на основании которых должны быть непременно ограничены права и свободы отдельных групп населения, воспринимающих себя вне контекста разделяемых «большинством» ценностей, норм и правил поведения, вопрос, который, к сожалению одних и счастью других, уже нельзя игнорировать, требует концептуального переосмысления основополагающих критериев и принципов, характеризующих правовое положение граждан или подданных государств, ассоциирующих себя исключительно с «либеральной» моделью демократии, вне зависимости от гендерной принадлежности, цвета кожи, отношения к религии и сексуальных предпочтений. Реформы должны в той или иной степени снять «накал страстей», перевести имеющиеся коллизии в формально-юридическую плоскость и дать новый импульс развитию прав и свобод человека, ни при каких условиях не ущемляя или ограничивая статуса одних и не возводя в абсолют других, какими бы благовидными мотивами не аргументировать соответствующее решение и его целесообразность, так как в любом обществе найдутся недовольные достигнутым в итоге компромиссом, особенно среди радикально настроенных категорий граждан или подданных. В этой непростой ситуации решающая роль будет принадлежать процедурам, которые определяют не только уровень зрелости и демократичности общества, но и реальное отношение широких слоев населения к таким «ценностям», как мультикультурализм, политкорректность и толерантность.

8. Критический сравнительно-правовой анализ важнейших тенденций последних десятилетий, обусловленных «требованиями дня», позволил – при этом учитывая совокупность предпосылок, послуживших их формированию и институализации – выявить черты, «новизна» которых уходит своими корнями в те сферы общественных отношений, где исторически наиболее контрастно и менее абстрактно проявлялся дискриминационный характер статуса «colored people» и представительниц «слабого пола». Речь не идет о том, что, невзирая на механизмы уравнивания в правах по гендерному, расовому, этническому и прочим признакам, актуализированные в масштабах текущего исторического периода, представительницы «слабого пола» (в данном обозначении, на наш взгляд, нет ничего унижительного, тем более порочащего честь и достоинство, как могло бы показаться тем интерпретаторам, которые даже в традиционных терминах пытаются найти негативную смысловую коннотацию) по-прежнему «выведены за скобки» политического процесса, наоборот, наблюдается четко выраженная тенденция ущемления прав белых мужчин, придерживающихся, помимо прочего, традиционных взглядов и ценностей, в качестве своего рода «возмещения ущерба»

за «недополученное в прошлом». В перспективе, по всей видимости краткосрочной, буржуазно-либеральный парламентаризм, *de facto* недавно носивший исключительно мужской и преимущественно белый оттенок, придет, вероятно, к тому (правда, в несколько специфическом виде), что когда-то имело место в рамках «советской» практики представительной демократии, где действовало жесткое правило, согласно которому в высших, региональных и местных органах представительной власти все – от классов до этносов и народностей – составные элементы общества были аккумулярованы в законодательно определенной пропорции. Иначе говоря, не исключено, что «представительство», особенно в сложносоставных государствах (к которым, несмотря на его официальный «унитарный» характер, относится «прародина» современного парламентаризма Соединенное Королевство, не говоря уже о Соединенных Штатах, где аналогичные процессы сдерживает федеративный характер государства, являющийся своего рода «тормозом», позволяющим на уровне штатов противодействовать национальной «гендерной» и «расовой» политике), *de facto* либо *de jure* в процентном отношении будет отражать не только этническую, но и гендерную специфику населения, в первую очередь так называемый «третий пол» (и еще несколько десятков «полов»), «родителя номер один» и «родителя номер два». Парадокс состоит в том, что «женский вопрос» сыграл с современным западным обществом злую шутку: продолжая неистово бороться за свои права, обвиняя во всех «смертных грехах» мужчин, феминистки – не сумели или не захотели увидеть того, как их место заняли все те же мужчины, возомнившие себя новым воплощением «слабого пола».

9. В результате под не совсем корректно понимаемым, тем не менее, введенным в научный оборот, официальную и разговорную лексику тезисом о так называемом «гендерном равенстве» (хирургически изменив «внешние признаки» кто-то наивно считает, что он и с биологической, и с анатомической точки зрения также стал кем-то «другим»), с настойчивостью, заслуживающей, как минимум, более «адекватного» применения, нарушается традиционный, исторически сформировавшийся баланс между «женскими» и «мужскими» социальными функциями, при этом, по всей вероятности, не отдавая отчета в том, что закономерным итогом «деформаций» подобного рода могут быть – не только фундаментальные изменения характера общественных отношений, где каждый пол столетиями обладал «эксклюзивными», свойственными лишь ему, «предметами ведения», только в исключительных, строго ограниченных случаях или форс-мажорных ситуациях *de facto* вторгаясь в несвойственные ему «сферы деятельности», но и трансформация самосознания, радикализм которой – о чем даже не могли мечтать футурологи, провозгласившие «конец истории», – превзойдет все «мыслимое» и «немыслимое», с чем до этого приходилось сталкиваться. В очередной раз встает, во многом риторический, но не перестающий от этого быть актуальным и востребованным, вопрос о целесообразности абсолютизации прав и свобод человека, ее, по существу ничем не оправданной гипертрофированности, базирующейся на принципах и «ценностях» толерантности и мультикультурализма, приобретающей, как ни парадоксально, все более

отчетливые тоталитарные черты и свойства, на фоне тенденций, направленных, в той или иной степени, на ущемление каких-либо характерных проявлений социальной и половой «традиционности».

Как следствие резкое, нередко катастрофическое, причем «подобные» тенденции имеют место во многих сферах общественных отношений, падение профессионализма, обусловленное, в том числе и тем, что соответствующие должности в механизме разделения властей в итоге занимают (в рамках так называемой «системы заслуг»), как правило или преимущественно, исходя из партийной принадлежности, а не полученного образования, стажа, опыта или специфики работы, поэтому классические «мужские» должности (например, связанные с обороной, безопасностью, специальными службами, внешними сношениями) «резервируются» с учетом «гендерных квот», в дополнение к которым все чаще предлагаются кандидаты от всевозможных «меньшинств», тем самым – осознанно игнорируя исторический опыт и практику разделения труда, в большей или меньшей степени отражающие характер и особенности процесса государственного строительства, присущие конкретной стране либо группе стран (в данном случае речь идет о тенденциях, *de facto* наблюдаемых в Европейском союзе, где это ощущается перманентно и последовательно).

10. Анализ тенденций свидетельствует о том, что «западная» модель демократии – переживает острейший *системно-институциональный кризис*, одной из предпосылок которого является декларативный характер многого из того, что входит в понятие «народовластие», однако не имеет к нему никакого отношения. Проведенное сравнительно-правовое исследование показывает, что говорить о народе как «источнике» и «носителе» власти – следует лишь с большой степенью условности, так как за исключением выборов и достаточно редких референдумов, кроме практики Швейцарской конфедерации, где они в последнее время проводятся регулярно и по самым разным вопросам, она сконцентрирована в руках национальных либо наднациональных (в данном случае речь идет о Европейском союзе и его структурах) правящих элит в лице политической и управленческой бюрократии. «Западная» модель демократии в своей основе институционально и функционально имеет представительский характер государственной власти, традиционно олицетворяемый, в том числе, парламентаризмом, базирующимся на принципах, сформированных в период буржуазно-либеральных революций, и затем приспособленных к механизмам партийного строительства, бесперебойно, весьма эффективно действовавшим до определенного момента: в некоторой степени можно даже говорить, что в течение очень многих лет правящими элитами, вернее, стоявшими за ними олигархическими группировками, активно и целенаправленно использовался «партийный ценз», благодаря которому «легитимно» прийти к власти были в состоянии только те общественные организации, которые пользовались у них полным доверием и экономической поддержкой. Достаточно внимательно и непредвзято посмотреть на списочный состав членов Конгресса Соединенных Штатов или британской Палаты общин, не говоря уже об «аристократической» Палате лордов, первой трети XIX – середины XX века, как конкретные вопросы отпадают сами собой, при том, что ситуация

принципиальным образом ничем не отличалась во французском, бельгийском, германском, нидерландском и любом другом бикамеральном или однопалатном парламенте.

При фиктивности «всеобщности» избирательных прав институт выборов и процедуры с ним связанные носили «гендерный» и «социальный» характер, выводя за скобки политического процесса всех тех, кто не отвечал признакам, цензам и критериям, необходимым для получения депутатского мандата, не обладавшего императивностью и не позволявшего населению отозвать своего представителя, даже при условии неадекватности его действий. «Избранники народа» несли ответственность перед собственной партией, ее политическим руководством, поэтому решение о пролонгации или прекращении «статуса» и всего, что с ним связано, принимали исключительно функционеры без какого-либо участия электората как «источника» и «носителя» власти.

11. Единственное, что требовалось для поддержания у дееспособного населения и его ближайшего окружения имиджа народовластия, даже в таких форс-мажорных и экстремальных ситуациях, как военная фаза гражданского противостояния «южан» и «северян», поражение в правах «colored people» и женщин или «коричневый феномен», это неукоснительно соблюдать ритуалы и процедуры, требуемые законом, судебной и административной практикой для легитимации электорального процесса и его конечных результатов. Как следствие, между «демократией» и «процедурой» проводились параллели и ставился знак равенства: если процедура соблюдена на все остальное можно было закрыть глаза, в том числе на парадоксальный процентный «диссонанс» общенационального голосования по выборам главы государства, и итогов, к которым могла прийти так называемая «коллегия выборщиков». Процедура возводится в абсолют, игнорируя даже то, что нередко депутатом, мэром или советником становился преждевременно скончавшийся претендент, согласно традиции не исключенный из списка кандидатов на соответствующий пост или должность. И все это на фоне того, что огромное число граждан было лишено избирательных прав по «причине» имевшихся у них ограничений (например, судимости). Так что же тогда считать «народовластием» – непосредственную демократию или ее регламентирующий инструментарий, предназначенный для реализации тех прав и свобод, которые провозглашены в конституции или учредительных актах, и актуализированы для осуществления «источником» и «носителем» власти его эксклюзивных полномочий? Парадокс состоит в том, что лишь на первый взгляд вопрос кажется риторическим, так как процедура, связанная с проведением выборов или референдумов, олицетворяет собой в глазах неискушенного обывателя институт «народовластия», овеществлением которого является физическое лицо, представляющее его интересы в том либо ином органе публичной власти. И неважно, что один и тот же человек может занимать депутатское кресло неограниченное количество раз или совмещать «парламентский мандат» и «министерский портфель», тем самым фактически нарушая принцип разделения властей и систему «сдержек и противовесов», главное – это процедура, согласно

которой «источник» и «носитель» власти имеет возможность, в регламентированных законом случаях, ее реализовать.

Кризисные тенденции проявляются и в том, что именно «классические» либеральные, консервативные и социал-демократические организации чаще всего – уже не отвечают требованиям дня, о чем свидетельствует активизация не только санкционированных органами публичной власти протестных акций, но и партий нового типа, деятельность которых направлена на преодоление, в том числе, стагнационных процессов, наблюдаемых в политической сфере общественных отношений, так как старые институты теряют мобильность.

12. Тенденции последних десятилетий, как ни удивительно на первый взгляд (хотя многие из них в той либо иной степени проявляли себя в рамках предшествующих периодов процесса государственного строительства), все более отчетливо свидетельствуют о «бутафорном» характере институтов, в том числе системообразующих, «западной» модели демократии, чтобы кто-то из оппонентов (особенно идеологических, у которых либерализм, несмотря ни на какие экономические, социальные, политические и правовые издержки, рассматривается «вершиной» цивилизационного развития) в конце концов ни говорил, приводя для еще большей убедительности в качестве доказательств соответствующие аргументы, проявляется в несовпадении декларируемых и реализуемых на практике избирательных прав, в том числе в контексте таких фундаментальных критериев как равноправие. Справедливости ради нельзя не признать, что с активным избирательным правом, олицетворяющим собой не что иное, как одну из форм непосредственной демократии, дела обстоят – более или менее нормально (хотя и в этой области общественных отношений, вне всякого сомнения, найдется к чему «придраться», с практической точки зрения, начиная с голосования по почте, большим процентом так называемых «мертвых душ», массовыми вбросами бюллетеней, заканчивая ограничением либо полным запретом присутствия на участках для голосования иностранных наблюдателей), прежде всего в тех случаях, когда подготовка и проведение избирательной кампании были реализованы в основном на должном уровне, чего не скажешь о пассивном избирательном праве, как правило, причем в подавляющем большинстве стран Старого и Нового Света, ассоциирующимся с представительной формой политического режима и парламентаризмом в, так сказать, классическом виде. При этом, когда мы говорим о «подавляющем большинстве стран», речь, что вполне естественно, идет прежде всего о тех из них, где взаимодействие двух системообразующих ветвей государственной власти – законодательной и исполнительной – носит определяющий характер. Идеологизация населения в течение многих десятилетий объективно не могла не привести к тому, что «единственный источник и носитель власти», в лице дееспособных граждан и подданных, поверил в мифологему, что именно он осуществляет контроль за «качеством» правящей элиты и ее периодической легитимацией посредством прямых или косвенных выборов, что он, и никто другой, является «институциональным катализатором», который вводит в действие систему разделения властей и механизм «сдержек и противовесов». Подобная, в той либо иной степени «упрощенная» точка зрения, несомненно, имеет

свое рациональное зерно и определенную логику, если вопрос касается непосредственных форм демократии, но не представительной, где ситуация, как правило, выглядит менее абстрактной, более предсказуемой и циничной.

13. Парадокс, на который как правило («тенденции» подобного рода в последнее время приобретают все более очевидный алгоритм, хотя их было, в принципе, не трудно предугадать, так как соответствующие предпосылки во многом достаточно давно актуализировались и сформировались, и нередко уже имели место в данной сфере общественных отношений) предпочитают не обращать внимание, обусловленный, помимо прочего, дискриминационным характером формальных требований избирательного права, проявляется на практике не только в декларативности принципа равноправия, но и в том, что он непосредственным или косвенным образом связан с реализацией другого, не менее фундаментального (о чем мы в несколько ином контексте говорили ранее), с точки зрения буржуазно-либеральных прав и свобод, получившего со временем распространение в большинстве современных правовых систем, принципа всеобщности, проявляющегося в поведении дееспособного, *de jure* наделенного активным избирательным правом, гражданина или подданного, в осуществлении им, в момент голосования за партийного или независимого кандидата, «негативного отбора», практический смысл которого выражается в следующем: голос, как правило или преимущественно, отдается не лучшему из претендентов, включенному в избирательный список, а непосредственно тому, кто больше понравился (исходя из «образа», сложившегося в результате воздействия предвыборной агитации или партийных предпочтений, не говоря уже о «принадлежности» кандидата к каким-то гендерным либо сексуальным «меньшинствам», конфессиональным, этническим и «colored» предпочтениях тех, кто относится к избирательному корпусу), тем самым сформировав о себе благоприятное впечатление. Другими словами, электорат чаще всего – вообще не интересуют ни образование, ни возраст, ни опыт кандидата, так как во главу угла, помимо обязательного в подобных случаях пропагандистского антуража, характерного для избирательных кампаний любого территориального уровня, ставятся такие «отличительные» качества политика как – демагогия, популизм, предприимчивость, харизма и лоббизм, то есть умение, несмотря ни на какие гипотетические издержки, в том числе финансовые, навязать потенциальному избирателю «повестку дня», с которой кандидат идет на выборы, заручившись экономической поддержкой, заинтересованных в его победе спонсоров. Как следствие, резкое, причем во многих случаях качественное, падение не только профессионального, но и интеллектуального уровня правящей элиты, *de facto* вызванное или вытекающее из катастрофического снижения как общего, так и специального образования, все менее отвечающего «требованиям дня» и тем масштабным проблемам, что в последние десятилетия объективно возникли перед государствами, традиционно, имея на то какие-либо основания или нет, ассоциирующими себя с либеральной моделью демократии.

14. Своего рода «сепарирование» правящей элиты, воплощающей – так либо иначе – собой демократию либерального типа, качественное снижение

интеллектуального уровня тех, с кем ассоциируется «политический процесс» и принятие соответствующих решений (необходимых для функционирования системообразующих публичных и общественных институтов, действующих в государстве), в результате чего многие ее «представители», при этом половая принадлежность – вообще не играет никакой роли, утрачивают специфические черты, олицетворявшие в глазах широких слоев дееспособного населения, с большей или меньшей степенью ее сакрализации, «власть», свидетельствуют, в частности, о том, что кризис «западной» модели демократии носит не только объективный, но и закономерный характер, обусловленный, помимо прочего, перманентной девальвацией идеологии постмодернизма, где либерализм и демократия, в их «классической» интерпретации, уже не отражают ни реалий дня, ни тех тенденций, проявления которых наблюдаются в последнее время в странах Старого и Нового Света. Современная модель демократии, в первую очередь ее американская разновидность или то, что, по существу, имеет место в Европейском союзе в лице многочисленных наднациональных учреждений и бюрократического аппарата, все меньше позиционируется с декларациями о «народовласти», провозглашенными в учредительных документах.

Странно, никто, вроде бы, ничего не отменял, и тем более не запрещал – ни свободы слова, собраний и манифестаций, ни выборов, ни референдумов, ни парламентов, а «декларации», кем-то и когда-то написанные на бумаге, все чаще воспринимаются в совершенно другой, нередко противоположной по своему первоначальному содержанию, коннотации, все больше напоминая своего рода пропагандистские нормы-цели, реализация которых, чаще всего, возможна – лишь гипотетически. Есть ли морально-нравственный «предел» у тех «тенденций», которые в перспективе, причем ближайшей, получают статус «обязательных» норм и правил поведения (начиная с расовых или этнических и заканчивая всевозможными «гендерными» квотами, необходимыми для признания легитимности соответствующего органа либо должностного лица), а сейчас провозглашаются – в контексте, в том числе, абсолютизации прав и свобод человека – «примером для подражания» и инструментом борьбы с традиционализмом!? В какие тоталитарные формы в итоге трансформируется «западная» модель демократии, если государство, со своей стороны, будет все-таки не в состоянии противопоставить что-то более адекватное процессу деградации политического режима, в той либо иной мере заимствованного на соответствующей стадии цивилизационного развития у «Града на холме» или бывшей метрополии, затем приспособленного к действующей в стране форме правления? Ответы, в принципе, становятся достаточно очевидными.

15. В рамках критического анализа, стремясь обосновать, максимально аргументировать и доказать дискриминационный, фиктивный, популистский и декларативный характер «западной» демократии как одной из политико-правовых концепций либеральной модели народовластия, в основе которой лежали механизмы, полностью лишавшие или существенно ограничивавшие права и свободы соответствующих групп населения по гендерным, расовым, этническим, социальным, имущественным и иным признакам, автор пришел к выводу о

несостоятельности утверждений, согласно которым единственным и непререкаемым «примером для подражания» для народов (не понаслышке знакомых с тем, что на практике представляло из себя так называемое «бремя белого человека»), освободившихся от колониальной зависимости и вставших на путь суверенного развития, является тот политический режим, который *de facto* сложился во многих государствах англосаксонской и романо-германской традиции, безапелляционно, не имея никаких оснований, присвоивших право позиционировать себя в качестве «оплота демократии». Парадокс состоит, как ни странно на первый взгляд, в том, что «демократия» и «народовластие» – не представляют собой идентичных феноменов, так как в государствах, о которых идет речь, есть демократия, но нет народовластия (тоже самое можно сказать, в том числе, и о Европейском союзе), в отличие, например, от нашей страны, где есть народовластие, но нет демократии в ее либеральной интерпретации. Об этом, в частности, свидетельствует кризис представительной – партийной – парламентской демократии, который следует воспринимать и оценивать как один из показателей деградации «западной» модели государственности. Нет никаких оснований отрицать тот факт, что доминирующую роль в процессе принятия решений играет, не избираемая населением и не подотчетная ему, национальная или наднациональная (Европейский союз наиболее наглядное подтверждение) политическая и управленческая бюрократия, в руках которой сконцентрированы многочисленные рычаги давления, посредством которых реализуются, необходимые им и аффилированным с ними промышленным и финансовым группировкам, законодательные и подзаконные акты. Народ как «источник и носитель власти», за исключением выборов и других легитимных форм непосредственной демократии, в подавляющем большинстве случаев – не имеет никакой реальной возможности повлиять на ситуацию, что нельзя не учитывать в контексте системно-институционального кризиса, поразившего на рубеже веков крупнейшие государства «коллективного Запада», масштабы и последствия которого приобретают – все более непредсказуемый характер. У правящих элит остается не так уж много времени, чтобы внести необходимые коррективы, направленные на стабилизацию общественных отношений, но, к сожалению, закономерности исторического процесса неумолимы.

16. В целом следует особо подчеркнуть тот факт, что кризис, в основе которого лежат определенные предпосылки и тенденции, носит *комплексный* и *системный* характер, так как он поразил и оказывает деструктивное влияние сразу на несколько важнейших областей общественных отношений, начиная с традиционных мировоззренческих представлений и аксиом о «добре и зле» (последовательно сформированных христианскими ценностями, учениями и ересями религиозных диссидентов, доктринами просветителей и гуманистов, идеями «отцов-основателей» государственности с республиканской формой правления и реформаторов европейских монархий, «кабинетных» ученых и их вдохновителей), юридической идентификации отдельных социальных групп и заканчивая публичными институтами, олицетворяющими в глазах широких слоев населения «западную» модель демократии. Когда-то было заявлено о

приближающемся «закате Европы», а позднее «конце истории», однако никто не мог предположить, что это не метафора или фигура речи, а гипотетический сценарий развития событий, итог которого постепенно начинает приобретать – все более конкретные очертания. В общественном сознании и политической практике ведущих государств Старого и Нового Света актуализируется процесс таких масштабных трансформаций, что о них вполне допустимо говорить как о новой стадии цивилизационного развития, с одной лишь оговоркой: вряд ли кто-то знает к каким – положительным или отрицательным – результатам это в конце концов приведет, так как воздействию кризиса подверглась идеология либерализма, длительное время непосредственно являвшаяся фундаментом «западного» стиля жизни, «западных» ценностей и «западного» менталитета. А если проблемы вызывает то, на чем выстроен каркас современной модели демократии, то деформации, несомненно, подвергается не только собственно «здание» в лице конкретной формы правления, территориального устройства или политического режима соответствующего государства, но и хозяйственно-экономические, институциональные и правовые «пристройки», в виде самых разных бюрократических наднациональных структур, не заинтересованных в дифференциации взглядов на характер и специфику социальных отношений и суверенизации правящих элит. Унификация и единообразие – вот требование, стоящее в «повестке дня», осуществлять которое призваны, помимо прочего, мультикультурализм, политкорректность и толерантность, поэтому коллизии, в том числе системно-институциональные, будут только возрастать, создавая предпосылки для все новых тенденций, еще более усугубляющих кризис и его последствия. К сожалению, нельзя не признать, что отмеченный «алгоритм» начинает приобретать необратимый характер, о чем свидетельствуют события последних лет, наблюдаемые в государствах Старого и Нового Света, бывших когда-то для многих стран и народов «примером для подражания».

17. Олицетворением деградации «либеральной» модели, отчетливо прослеживающейся в последние десятилетия, являются тенденции, в той или иной степени обусловленные *подменой понятий* – диссонансом между тем, что продекларировано в конституциях или аналогичных актах учредительного характера, и повседневными «политическими реалиями», имеющими место в государствах Старого и Нового Света, позиционирующими себя в глазах стран «третьего мира» в качестве единственного «примера для подражания»: слова типа «демократия», «парламентаризм», «суверенитет», «права и свободы», не говоря уже о пресловутых «ценностях», по-прежнему не сходят со страниц средств информации и телевизионных экранов, превалируют в официальной лексике и исследованиях ученых, однако их наполнение уже не соответствует тем коннотациям, с которыми они ассоциировались ранее. Если ситуация, так или иначе вызванная системно-институциональным кризисом либерализма в целом и «западной» модели политического режима в частности, продолжит и далее перманентно ухудшаться, то не исключено, что востребованным станет вопрос – не только о существовании соответствующей формы правления, но и цивилизации, традиционно олицетворяемой «коллективным Западом». Как ни парадоксально, но

реалии дня свидетельствуют о том, что предположения подобного рода не лишены оснований, поэтому не исключено, что кризисные – как явные, так и латентные – тенденции приведут в конце концов к таким непредсказуемым фундаментальным «последствиям», о которых на данном этапе исторического процесса целесообразно рассуждать лишь теоретически. Критически анализируя события последних лет, можно, причем с известной долей уверенности, говорить не только о забвении тех идеалов, с которыми в течение длительного периода в глазах широких слоев населения традиционно позиционировалась западная модель демократии, но и фиктивном характере базовых институтов, идентифицирующих ее. Исчерпав свой «потенциал», она, хотя бы того «правлящие элиты» или нет, постепенно эволюционирует в одну из форм тоталитаризма, разновидностями которого являются фашизм и нацизм англосаксонского и романо-германского образца, во всей красе проявившими себя в первой половине прошлого века и возродившимися в новом обличье в рамках современной стадии цивилизационного развития. Тенденции, многие из которых характеризовали исторический процесс в течение всего периода становления, развития и трансформации «западной» демократии, наиболее отчетливо проявляя себя в кризисных ситуациях, наглядно свидетельствуют о том, что «либеральная модель» – не оправдала тех надежд, которые на нее возлагал народ, провозглашенный «единственным источником и носителем власти», получивший, вместо «подлинного народовластия», суррогат в форме общества потребления, мультикультурализма и политкорректности.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, связанные с процессом публично-правовой институционализации «западной» модели демократии, рассматриваемой в контексте становления и развития конституционализма зарубежных государств.

Предметом исследования являются фундаментальные теоретические представления о народовластии, его формах, системообразующих институтах, нормы конституций и иных учредительных актов, регламентирующих права и свободы человека и гражданина, связанные с организацией и деятельностью публичной власти в течение этапов государственного строительства, в целом обусловленных переходом к либеральной модели общественных отношений и последующей трансформацией политического режима, функционирующего на принципах деконцентрации власти, всеобщего и равного избирательного права, парламентаризма, децентрализации управления и самоорганизации населения.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых по общей теории и истории государства и права, работы по проблемам становления и эволюции демократии, ее основных моделей и разновидностей, конституционализма, государствоведения, компаративизму, дискриминации прав и свобод человека и гражданина по признакам пола, расы, этнической или национальной принадлежности и отношения к религии, избирательному процессу, специфике разделения властей и системы сдержек и противовесов в контексте особенностей государственного строительства на соответствующей стадии цивилизационного развития.

Источниковедческую и эмпирическую базу исследования составили декларации независимости, учредительные акты, конституции (и поправки к ним), основные законы, хартии, иные политико-правовые документы высшей юридической силы, постановления конвентов, декларации прав человека и гражданина, петиции, парламентские декреты, ордонансы, статуты, билли и органические законы, конвенциональные обычаи, решения исполнительных органов власти и материалы судебной практики, исторические памятники и источники зарубежных государств.

Методологическую основу исследования составили общепризнанные принципы научного познания: объективность, всесторонность, системность, историзм, компаративизм, единство теории и практики.

Исследование осуществлялось на основе диалектического метода, в той или иной степени позволившего проследить взаимосвязь между абстракцией в виде предполагаемых результатов исторического процесса, связанного с демократизацией широкого круга общественных отношений, и реальностью, в форме либеральной модели политического режима, актуализированной со временем в большинстве государств англосаксонской и романо-германской правовой традиции. Использование диалектического метода способствовало формированию предпосылок для более эффективного применения метода прогноза, позволившего критически проанализировать процесс становления и развития системообразующих институтов, его специфику и особенности на примере конкретных стран, традиционно позиционирующих себя в качестве «оплота демократии» и «примера для подражания», и, зная закономерности, имевшие место в прошлом, экстраполировать результаты, полученные на соответствующих стадиях исторического процесса, как на среднесрочную, так и на более отдаленную перспективу. Как следствие, наиболее существенный эффект экстраполяции был получен в результате сочетания метода прогноза с конкретно-историческим методом, позволившим осуществить сравнительно-правовой анализ учредительных деклараций, конституций, основных законов и аналогичных актов высшей юридической силы, действовавших в различные периоды, с современными документами, регламентирующими исследуемые сферы общественных отношений, институты и процедуры, причины стагнации и деградации «западной» модели политического режима.

К методам эмпирического характера, применявшимся при исследовании соответствующих проблем, связанных с процессом генезиса и трансформации непосредственных и представительных форм демократии как олицетворения народовластия, в рамках системы разделения властей и механизмов сдержек и противовесов, в частности, относились методы – наблюдения, описания, сравнения и моделирования.

К методам теоретического уровня, использовавшимся при критическом анализе, рассматриваемых в исследовании вопросов, прежде всего следует отнести такие методы, как: аксиоматический, гипотетический (гипотетико-дедуктивный), формализацию, абстрагирование, общелогические методы – анализ, синтез, индукцию, дедукцию, аналогию.

Формально-юридический метод позволил сформулировать логичный понятийный аппарат.

Сравнительно-правовой метод позволил выявить и обосновать общие и специфические черты, присущие национальным разновидностям «западной» модели либерально-демократического политического режима, сложившимся в процессе становления и развития базовых, системообразующих институтов, кризис которых все более отчетливо ощущается в последние годы.

Личный вклад диссертанта является определяющим и заключается в непосредственном участии на всех этапах исследования – начиная со стадии постановки целей и задач, определения предмета, объекта и методологии исследования, их практической реализации, нашедшей отражение в выводах и обобщениях, и заканчивая обсуждением полученных результатов в научных публикациях и докладах. Содержащиеся в работе концептуальные положения использовались в рамках учебного процесса.

Соответствие диссертации паспорту специальности. Диссертационная работа соответствует содержанию специальности 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки), и включает в себя критическое сравнительно-правовое исследование проблем, наблюдавшихся в течение нескольких столетий цивилизационного развития, связанных с процессом государственного строительства наиболее значимых стран англосаксонской и романо-германской правовой традиции в масштабах последовательного формирования и трансформации буржуазно-либеральной модели политического режима, конституированием фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, других системообразующих институтов, тем либо иным образом олицетворяющих в глазах правящих элит и широких слоев населения механизмы непосредственной и представительной демократии, вне зависимости от республиканской или монархической формы правления.

Структура и содержание диссертации обусловлены широким спектром исследуемых проблем в области конституционного права зарубежных стран, спецификой, характером и особенностями публично-правовых отношений, и отвечают целям, задачам, предмету и объекту исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих несколько параграфов, детально раскрывающих основные причины, предпосылки и тенденции процессов, закономерным итогом которых станет системно-институциональный кризис, поразивший в последние годы «западную» модель демократии, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность избранной темы, определяется степень ее научной разработанности, обозначаются объект, предмет, цели и задачи исследования, его теоретическая, нормативная и эмпирическая основы, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации полученных результатов и кратко описывается структура работы.

В первой главе «Демократия как фактор генезиса конституционно-правовых отношений», состоящей из двух параграфов, анализируется процесс становления научно-теоретических представлений о народовласти, его моделях и разновидностях, ставших со временем базовой основой буржуазно-либерального политического режима, пришедшего на смену абсолютизму монархической формы правления в результате слома феодальной общественно-экономической формации; исследуются тенденции, особенности, характер и специфические черты государственного строительства стран, традиционно ассоциируемых с разделением властей, парламентаризмом, системой сдержек и противовесов, в течение нескольких веков считавшихся примером для подражания, но в реальности выдававшими декларации о «свободе, равенстве и братстве», провозглашенными в учредительных актах, за действительное положение дел, что и нашло отражение в системно-институциональном кризисе, переживаемом западным обществом, деградация которого, уходящая корнями в прошлое, приобретает все более масштабный и беспрецедентный характер.

В первом параграфе «Понятие народовластия как отражение специфики становления и развития представлений о государстве и праве» критически, несмотря на тот факт, что многие из них уже давно введены в научный оборот, исследуются взгляды и концепции крупнейших античных и средневековых мыслителей, идеи которых заложили фундамент одного из цивилизационных феноменов, без которого развитие государства и права могло пойти в совершенно ином направлении, чем имело место, непредсказуемость результатов которого достаточно очевидна и не вызывает принципиальных возражений.

Дефиниция «демократия» относится к числу максимально известных терминов, встречающихся и в законодательстве, и в юридической, исторической, философской, политологической литературе. Поэтому любая формулировка, претендующая на «новизну», будет включать «фрагменты» определений, давно введенных в оборот. Своими корнями институт «народовластия» уходит в античный период, вершиной которого традиционно рассматриваются города-государства полисного типа. Парадокс в том, что у современного западного обывателя может сложиться впечатление, будто крупнейшие мыслители той эпохи понимали под демократией нечто иное, чем «отцы-основатели» США, чиновники Европейского союза или авторы «Лиссабонского договора».

Возникает вопрос об актуальности представлений о генезисе государства и права «западного» типа, частью фундамента которых стали взгляды античных мыслителей, и о целесообразности использования в государственном

строительстве наследия эпохи, отдаленной от нас тысячелетиями. Вопросы не праздные, требующие нового взгляда, обусловленного тенденциями фундаментальной трансформации общественно-политической системы стран, ассоциирующих себя с «оплотом демократии», в основе которой лежит модернизированная трактовка народовластия как базовой модели либеральной демократии.

Первое, что приходит на ум, это «вторичность» и «факультативность» всего того, с чем ассоциируется большинство доктрин, прямо либо опосредованно заимствовавших из античных «первоисточников» букву и дух тех публичных институтов, которые позволяют объективно оценить феномен «западной» модели демократии.

Представители западноевропейской политико-юридической доктрины могут быть названы наследниками учения о государстве и праве античного периода, передавшего «эстафетную палочку» просвещенной элите континента и североамериканских «заморских территорий», с которой будет связан переход от «кабинетной» теории к революционной практике. О произведении какого бы автора позднего Средневековья и Нового времени ни вставал вопрос, речь идет об идеях и институтах, преемственность которых с «классическим наследием» древнегреческих и римских государствоведов не вызывает сомнений. Сказанное относится и к либеральной модели демократии, которую проблематично представить без абсолютизации таких системообразующих категорий, как «свобода», «верховенство закона», «плюрализм», «разделение властей», «система сдержек и противовесов».

Несмотря на терминологическую «вариативность» дефиниций «олигархия» и «аристократия», олицетворявших «правление меньшинства», с институциональной точки зрения эта форма государственного устройства принципиальных отличий не обнаруживает. На этом фоне «демократия», важнейшими признаками которой, согласно Аристотелю, являются свобода и равенство, не всегда интерпретируется в контексте республиканской формы правления, то есть и монархия может обладать присущими демократии чертами, причем подобный подход был характерен как для англосаксонской, так и для романо-германской парадигмы. При внешней идентичности взглядов античных авторов и их последователей их многое и объединяло, и дифференцировало, поэтому о народовластии, как оно понималось в древнегреческих полисах или в республиканском Риме, применительно к Англии, Нидерландам или Франции последней трети XVII – первой половины XVIII века рассуждать по объективным причинам не совсем корректно.

Сравнительный анализ произведений крупнейших представителей юридической и философской мысли, заложивших фундамент «либеральной модели» демократии, показывает, почему концепции, уходящие корнями в античную практику, были восприняты и развиты при переходе к буржуазной стадии государственного строительства, когда возникла необходимость теоретического обоснования слома архаичных властных механизмов феодализма и

абсолютистско-монархической формы правления и воплощения «кабинетных» идей о демократии. С точки зрения автора, причин здесь несколько.

Во-первых, концептуальные взгляды исследователей позднего Средневековья и Нового времени имели в основе многовековую мировоззренческую и юридическую традицию, получившую «второе рождение» в работах тех, кто доказывал правящим элитам, что демократия – это не абстрактная фигура речи, а конкретная форма устройства, где действуют механизмы разделения властей, а под «народом» подразумевается «источник и носитель власти». Их заслуга в том, что, взяв за «пример для подражания» древнегреческие полисы и республиканский Рим, они понимали недопустимость переноса опыта античности без адаптации как «кальки» в XVII или XVIII век, позволив инициаторам преобразований избежать ошибок, фатальных для генезиса конституционно-правовых отношений.

Во-вторых, преемственность воззрений не носила всеобщего характера, поэтому не голословен вывод о самостоятельном векторе развития парадигмы, которая станет теоретическим фундаментом движения за обновление. Скорее всего, речь идет о «компиляции идей», результатом которой стало появление ряда течений и научных школ (от доктрины «естественного права» до концепций «общей воли» и «народного суверенитета»). При этом при совпадающей «первооснове» у англосаксонских и континентальных теоретиков взгляды на форму государственного устройства, структуру органов власти, политический режим и систему «сдержек и противовесов» нередко носили дифференцированный характер, но их объединяла декларативность статуса человека и гражданина при абсолютном, с юридической точки зрения, отрицании равенства прав по половому, расовому, этническому или социальному признаку, что найдет отражение в фиктивном алгоритме «всеобщности» избирательных прав и дискриминации соответствующих групп.

Это относится, в частности, к интерпретации идеологом об «источнике и носителе власти». Не исключено, что под «народом» понимались граждане или подданные определенного возраста, однако об этом умалчивают практически все авторы, писавшие о формах устройства, где под «демократией» подразумевалась власть «всего народа» как суверена. Свидетельством того, что «слабый пол» и ряд других категорий не обладали равными правами с дееспособными мужчинами, является отсутствие у них избирательного права и запрет самостоятельно осуществлять публичные и гражданско-правовые действия, что противоречило принципам концепции «естественных прав», нашедшим отражение во многих учредительных документах «первой волны». Парадокс в том, что, декларируя равенство без ограничений по признаку пола, расы, цвета кожи и этнической принадлежности, на практике реализовывали ущемление в правах по этим же основаниям. С приходом во власть носителей подобных воззрений «рецидивы» теоретико-догматического мышления актуализировались в декретах, ордонансах, биллях и судебных постановлениях, получив официальный конституционно-правовой статус, через который, несмотря на либеральную фразеологию, ставящую во главу угла «народ», «красной нитью» проходит мысль об абстрактном характере

термина, которому только предстоит избавиться от «кабинетного» налета. Складывается впечатление, что слово «демократия» на исследуемом этапе не пользуется вниманием правящих элит или тех социальных групп, с которыми в перспективе будет ассоциироваться власть и ее системообразующие институты.

Во втором параграфе «Формирование конституционно-правовых основ национальных моделей государственного устройства» рассматривается процесс адаптации базовых концепций народовластия в условиях формирования властных институтов в период трансформации общественного и политического строя тех государств, которые ассоциируются с «оплотом демократии» и «примером для подражания».

Переход к новым общественно-экономическим и политическим отношениям, как правило, сопровождается масштабными преобразованиями как на уровне «базиса», так и на уровне «надстройки». Принимаемые учредительные документы, нередко носившие беспрецедентный по степени радикализма характер, в большинстве случаев отражали стремление прошедшего период первоначального накопления капитала «третьего сословия» привести в соответствие собственный правовой и политический статус с реалиями дня, а не некие «книжные» мифологемы «о благе народа». Показательно, что «новый социальный класс» первоначально, как во Франции по Конституции 1791 года, был готов довольствоваться существенными, но не столь кардинальными изменениями, тогда как в Туманном Альбионе «Акт об объявлении Англии свободным государством (Commonwealth)» от 19 мая 1649 года провозгласил республику, уступившую место бессрочной диктатуре лорда-протектора, затмившей абсолютизм предшествующего периода.

При наличии региональных особенностей имеются веские основания говорить об общем для государств, вставших на путь трансформации, векторе движения «по пути свободы и демократии». При этом принятые решения не носили хаотического характера, а являлись следствием достаточно четкого плана, обусловленного целями демократизации политического режима. Вместе с тем фундаментальная теоретическая проработка проблем позволила «новому классу» в короткий срок реализовать на практике абстрактно-идеалистические представления о государстве и праве, с которыми были связаны корпоративные интересы просвещенной части британского, французского и североамериканского общества.

Франция как нельзя более наглядно демонстрирует противоречия между научными представлениями и их практическим воплощением. Конституции 1793, 1795 и 1799 годов, принятые в течение шести лет, при всех институциональных особенностях сохраняли такие базовые принципы, как народный суверенитет, выборный характер органов публичной власти и республиканская форма правления. Реставрация монархии во Франции носила временный и конъюнктурный характер, что свидетельствует о том, что республиканская традиция заручилась поддержкой как широких слоев населения, так и правящих элит, осознавших возможность компромисса лишь в условиях стабильной государственности. Вопрос об отношении власти к демократии как форме

народовластия обнажает парадокс: Конституция 1793 года отказалась от термина «активный гражданин», расширив критерии гражданства в части избирательных процедур, однако статус «выборщика» на практике носил дискриминационный характер и не распространялся на женщин, нарушая тем самым презумпции «Декларации прав человека и гражданина».

Констатация того, что два крупнейших европейских государства стали «современными» в результате конституирования актуализированной формы правления (монархической в Соединенном Королевстве и республиканской во Франции) – не фигура речи, а признание того существенного факта, что, несмотря на противоречивые, неоднозначно воспринимаемые преобразования, институциональные и общественно-экономические трансформации, процесс государственного строительства не носил деструктивного характера, сделав политические системы более устойчивыми к попыткам их дестабилизации. Безусловно, их нельзя назвать статичными, не подверженными воздействию со стороны «источника и носителя власти», в то же время для них не являлись чем-то экстраординарным и такие «специфические» черты, как консерватизм, конституционно-правовая преемственность и структурный прагматизм, без которых государство, каким бы устойчивым оно ни казалось, обречено на перманентное движение то резко «влево», то, наоборот, резко «вправо», стремясь восполнить те системные пробелы, которые появились вследствие откровенно популистских актов или решений, ограничивших права и свободы представителей другой части общества.

Отмеченное, по мнению автора, с полным основанием может быть отнесено к оценкам так называемой «американской революции» и ее закономерности. Идентификация Соединенных Штатов как самобытной цивилизации, впитавшей элементы нескольких культурных и юридических моделей, имеет принципиальное значение. На протяжении примерно ста семидесяти лет, с 1607 по 1776 год, история страны неразрывно связана с Англией, колониями которой официально являлись североамериканские «заморские территории». Этот период дифференцируется на два взаимосвязанных этапа, условной границей которых стал конец XVII столетия. Принципиальное различие между ними обусловлено стремлением Соединенного Королевства на втором этапе существенно усилить влияние в жизни колоний. Важнейшим фактором становления государственно-правовых отношений стал частноправовой, а не государственный характер колонизации, нашедший отражение в том, что обладателями королевских хартий и патентов становились как английские аристократы, так и предприниматели или религиозные диссиденты.

Фундаментальное отличие генезиса конституционно-правовых отношений в Старом и Новом Свете состоит в следующем. В Англии и континентальной Европе прослеживался насильственный слом феодально-монархической формы правления, тогда как на колонизированных территориях Северной Америки одновременно протекали институализация общества немонархического типа и объективизация предпосылок «общественного договора». В одном случае сначала ломали «морально устаревшие» механизмы властных отношений, в другом государственное строительство протекало одновременно с учреждением тех

системообразующих институтов, которые впоследствии стали олицетворением североамериканской демократии. Возможность начать с «чистого листа» позволила Новому Свету во многом избежать ошибок, которыми сопровождался переход к буржуазно-либеральной модели в Англии и Франции. На начальном этапе колонизация основывалась на двух взаимодополняющих элементах: общинной самоорганизации и октроированных королевских актах, формализовавших правовой статус территориальных образований и их систем управления. Именно церковь олицетворяла собой важнейший институт не только религиозной, но и светской жизни, а обычная практика приходских сходов получила развитие в общих собраниях как одной из форм непосредственной демократии.

Подводя итоги начальному этапу генезиса конституционно-правовых отношений, нельзя не обратить особое внимание на несколько важнейших тенденций, во многом обусловивших, вызвавших или спровоцировавших тот вектор поступательного цивилизационного движения, с которым в большей либо меньшей степени ассоциируется становление институтов, олицетворяющих собой «западные» ценности, «западное» мировоззрение, «западный» стиль жизни и «западный» менталитет.

Во-первых, ложным представляется тезис, уже давно введенный в научный оборот, согласно которому процесс государственного строительства – при наличии национальной и региональной специфики, характерных черт и особенностей – в целом основывался на общих принципах и идеологемах, имел идентичную парадигму, базирующуюся на общих европейских ценностях и общем историческом прошлом. Так, если во Франции и Англии преобразования, явившиеся закономерным итогом буржуазно-либеральных революций, были осуществлены, пусть и с качественно разными конечными результатами, при наличии полноценных суверенных государств, письменная история которых насчитывала многие столетия, то, в отличие от них, в Новом Свете, в границах североамериканских колоний, параллельно с генезисом конституционно-правовых отношений в течение двух веков наблюдался динамичный и последовательный процесс постепенного – ускоряясь или временно замедляясь – формирования территориальных, институциональных и правовых основ государственности нового типа, впитавшей в себя «отличительные» черты как рабовладельческих, феодальных, частно-корпоративных, так и тоталитарно-религиозных институтов. Иными словами, становление конституционно-правовых отношений в Старом и Новом Свете носило по целому ряду важнейших аспектов вариативный или самобытный характер, актуализированный предпосылками и тенденциями, сложившимися в известных исторических, хозяйственно-экономических и политических условиях конкретной стадии цивилизационного развития исследуемых стран. Не вызывает сомнений тот факт, что при осуществлении тех либо иных решений, представители правящих элит и соответствующих социальных групп, не могли не опираться на концепции, идеи и взгляды, господствовавшие (если не в общественном сознании, то, по крайней мере, в среде просвещенного слоя британского, французского и североамериканского общества)

на тот момент, однако с большой степенью вероятности можно говорить о том, что в Старом и Новом Свете (при том, что акцент делался на практику античного периода, о которой было хорошо известно из работ Платона и Аристотеля) предпочтения лежали на стороне в одном случае греческой демократии полисного типа, в другом в качестве «аналога» предпочитали все-таки видеть представительные институты и органы древнеримского образца. Своего рода «новеллой», применимо к процессу теоретического обоснования соответствующих тенденций, сначала в Англии, а затем и в «заморских территориях» Северной Америки, стали догматические учения религиозного содержания, материализованные в Новом Свете в форме общин пилигримов и всех прочих диссидентов, заявивших – после получения октроированных королевских хартий – о строительстве в британских колониях нового, после Иерусалима, «Града на холме». Канонические нормы, правила, шаблоны, стереотипы индивидуального и коллективного поведения (ортодоксальность которых была, по существу, возведена в абсолют), лежавшие в основе большинства колониальных актов, действовавших на их территории, с течением времени получили официальное юридическое закрепление в ряде базовых положений кодифицированного законодательства, а затем и в конституциях или аналогичных региональных документах учредительного характера.

Во-вторых, несмотря на весьма противоречивое содержание некоторых тенденций, благодаря либо вопреки которым, в каждой из стран по-своему, генезис конституционно-правовых отношений был направлен на дальнейшую демократизацию и либерализацию взаимодействия правящих элит и широких слоев населения, пафос, прослеживающийся в оценках как англосаксонских, так и романо-германских государствоведов, не всегда и не во всем имеет объективный характер, особенно в тех случаях, когда преследуется никем не скрываемая цель – обелить многочисленные рецидивы, свидетельствующие о стремлении (не исключено, что выполняя политический и социальный заказ) повлиять на общественное сознание и убедить обывателя в исключительности «западной» модели демократии и непогрешимости тех представителей элит, с которыми, в контексте растиражированных в научной и публицистической литературе стереотипов, двойных стандартов и идеологем, преимущественно ассоциируются англо-британская, французская и североамериканская революции. Причем в одном ряду стоят не только «colored people» «Хижины дяди Тома» и религиозные диссиденты, подписавшие на борту «Мейфлауэр» знаменитое соглашение, но и Оливер Кромвель, утопивший Ирландию в крови католиков-ортодоксов, ставший со временем «новым монархом» – лордом-протектором, и якобинцы, развязавшие массовый террор против населения собственной страны. На этом фоне в контексте критического сравнительно-правового анализа юридических актов, государственных, политических, общественных, религиозных деятелей и событий все чаще и активнее предпринимаются попытки избежать вопросов (a priori «неудобных» и «нелицеприятных» с точки зрения их диссонанса с современными «ценностными доминантами» типа мультикультурализма, политкорректности и толерантности) о соотношении целесообразности и законности принимавшихся

документов и различных по характеру решений, от поверхностного перечисления которых, не говоря уже об их содержании, количество претензий к адекватности и даже качеству научных оценок и обобщений – чаще всего только возрастает. Вместе с тем, нельзя не сказать о том, что, наряду со снижением общего уровня работ, зарубежный компаративизм все еще не может не заслуживать уважения. Как ни странно, выводы и обобщения большинства отечественных исследователей, в том числе советского периода, при всей нарочитой идеологичности и соответствующей детерминированной аргументации, нередко отличаются стремлением выйти за узкие догматические рамки пресловутого «классового подхода» и взглянуть на вещи намного шире – сквозь призму общецивилизационного развития, важной составной частью которого является процесс государственного строительства крупнейших либеральных демократий, имеющих во многом уникальный опыт адаптации национальных правящих элит к время от времени возникаемым социальным вызовам, политико-правовым новациям и мировоззренческим коллизиям.

В-третьих, сравнительно-правовой анализ источников показывает, что демократия в светском – как при монархической, так и при республиканской модели правления – и религиозном понимании той части британского, французского и североамериканского общества, которая стремилась реализовать на практике идеи «кабинетных» ученых, не воспринималась как форма народовластия и фундаментальный критерий конституционно-правовых отношений. Непосредственная демократия, если и использовалась при выборах, то ограничивалась большим числом различных заградительных цензов, не позволявшим определенным категориям дееспособного населения, в том числе представительницам «слабого пола», принять участие в формировании органов власти, в связи с чем демократия нередко приобретала характер охлократии, когда на улицах, а не на «избирательных участках» народ пытался вступить в прямой диалог с теми, в чьих руках концентрировались публичные полномочия и контрольные прерогативы. При внешней демократичности процедур (так как с формально-юридической точки зрения «избирались» все структурные подразделения институциональной вертикали, в том числе судьи), процесс вообще никак не затрагивал тех, кто не отвечал необходимым требованиям. Именно на стадии перехода к буржуазно-либеральной модели публичных отношений получили политико-правовую актуализацию электоральные механизмы, известные до сих пор в качестве «коллегий выборщиков», еще больше тормозившие введение в исследуемых странах всеобщего избирательного права. При наличии целого ряда цензов, действовавших не только в отношении активного, но и пассивного избирательного права, проблематично оценивать, в контексте народовластия, высшие органы государственной власти – какую бы из ветвей мы ни взяли в виде наглядной иллюстрации – вне социального состава англо-британского, французского и североамериканского общества, так как появление (даже в Палате общин парламента Соединенного Королевства и в Палате представителей североамериканского федерального конгресса) в депутатском корпусе тех, кто не олицетворял собой институт частной собственности и не владел тем или иным

имуществом, позволявшим избирать и быть избранным, можно считать, скорее всего, исключением из общего правила, о чем, в какой-либо степени, ярко свидетельствует период Первой республики во Франции. Если же обратиться к процессу легитимации учредительных конвентов, в рамках которых были в Соединенных Штатах одобрены «Декларация независимости», конституции большинства штатов, «Статьи конфедерации», Конституция 1787 года, а затем осуществлена поэтапная ратификация последней, то мы – вряд ли сумеем опровергнуть тезис, согласно которому в самом либеральном государстве в течение долгого времени действовала одна из наиболее недемократических избирательных систем, часть механизмов которой сформировалась в колониальный период и с большим трудом поддавалась последующему реформированию.

В-четвертых, абстрагируясь от выводов и обобщений, к которым автор пришел в результате сравнительного историко-правового анализа, нельзя не констатировать, что отдельные элементы предпосылок, причем в ряде случаев достаточно принципиальных, масштабного системно-институционального кризиса «западной» демократии, предельно отчетливо и контрастно наблюдаемого в последние годы в Старом и в Новом Свете, проявились, как ни парадоксально, на стадии перехода к новой, буржуазно-либеральной, модели общественных отношений. Другими словами, уже в самом факте слома «старой», архаичной – феодальной – системы и трансформации политического режима в «новое» – буржуазное – качество, были заложены, условно говоря, «мины замедленного действия», спусковой механизм которых (только теперь становится достаточно очевидным, что их необратимый алгоритм носил, судя по всему, объективный характер) сработал через много лет, на рубеже XX – XXI веков. Предпосылки и «отличительные» черты наиболее одиозных и специфических «родовых язв» либеральной демократии – от расизма, рабовладения и сегрегации до колониализма, «бремени белого человека», апартеида, нацизма и фашизма – как *de jure*, так и *de facto* получили свое развитие и актуализацию именно на стадии слома и последующей ликвидации «одной» практики взаимодействия национальных правящих элит, аффилированных с ними господствующих классов и широких слоев населения и формирования «другой», не только качественно иной и более декларативной с политико-правовой точки зрения, но и гипотетически менее предсказуемой, в том числе, если речь идет о фундаментальных тенденциях цивилизационного процесса. Лишь на первый взгляд может показаться, что становление, развитие и эволюция «западной» модели демократии, традиционно ассоциируемой (справедливо или нет – другой вопрос) с одной из форм «народовластия», протекали именно так, как это описано в многочисленных либеральных учебниках по истории государства и права, невзирая на то существенное обстоятельство, о котором, как правило, не принято говорить, что «желаемое» нередко – ни в целом, ни в деталях – не соответствовало тому, что наблюдалось в действительности, каких бы проблем – расовых, этнических или гендерных – не касаться в этой связи. Однако то, что когда-то казалось или воспринималось в виде социальных и иных «язв» либо неких «сопутствующих рецидивов», в той или иной мере характерных для переходных периодов

исторического процесса, со временем трансформировалось в симптомы «цивилизационной пандемии», de facto охватившей крупнейшие государства «коллективного Запада», олицетворением и овеществлением которой становятся стагнация общественных отношений и постепенная деградация действующих политических систем, корни которых, в большей либо меньшей степени, лежат в прошлом, без критического анализа которых, как показывает практика, по существу любое научное исследование обречено на провал.

Во второй главе «Демократия как фактор трансформации конституционно-правовых отношений», включающей в себя два параграфа, критически исследуется дальнейшее развитие теоретических представлений о народовласти и демократической форме правления, заложивших идеологический фундамент преобразований политической системы и модернизации общественного строя в целом; процесс постепенного перехода к следующей стадии государственного строительства, обусловленный в одних случаях, как во Франции, «ребрендингом» системообразующих властных институтов, итогом которого станет отказ от монархической формы правления, в других, как в Германии и Соединенных Штатах, центростремительными тенденциями, в результате чего на политической карте появятся новые сложносоставные образования, ставшие со временем «примером для подражания» и «оплотом демократии», или компромиссом, как в Британии, достигнутым правящей элитой в лице монархических и представительных институтов.

В первом параграфе «Эволюция представлений о народовласти в условиях актуализации буржуазного государства и права» анализируются концепции крупнейших европейских и североамериканских мыслителей, доктрины которых внесли существенный вклад в развитие науки о государстве и праве на этапе слома абсолютистской формы правления и перехода к буржуазно-либеральной модели взаимодействия правящей элиты, аффилированной с ней национальной финансовой и промышленной олигархии, и широких слоев населения, начинающих ощущать себя субъектом общественных отношений.

XIX век, ознаменованный последствиями французской революции и суверенизации бывших британских североамериканских колоний, объединившихся в федеративное государство, может быть охарактеризован как период, существенно укрепивший фундамент «западной» модели демократии и создавший базовые предпосылки для перехода к буржуазно-либеральной стадии цивилизационного развития. При этом необходимо учитывать, что ни о каком прямом или косвенном сопоставлении Соединенного Королевства, Франции и Соединенных Штатов того времени с их «современным образом» не может быть и речи, так как их объединяет не более чем официальное название, если иметь в виду институты, ассоциируемые с конкретной формой либеральной модели демократии.

Идеи античных философов, развитые мыслителями позднего Средневековья и Нового времени, начинают утрачивать прежний авторитет, поскольку не давали адекватных ответов на вопросы, возникавшие в процессе слома феодально-абсолютистской системы. Парадокс состоит в том, что те, кто олицетворял легитимных представителей «носителя суверенитета», не спешили претворять в

жизнь лозунги о «свободе, равенстве и братстве», апеллируя к преждевременности или нецелесообразности перехода к демократическим институтам. Правящие элиты шли на все, лишь бы кардинально не менять существующее положение дел, направляя усилия на поиск парадигмы, способной дать ответы на проблемные вопросы «повестки дня», порожденные революциями и их социально-политическими последствиями. При этом многое из того, что стало предметом научного анализа, опиралось на идеологемы, сформировавшиеся еще накануне соответствующих событий и нередко приводившие в ужас «кабинетных» ученых, непосредственно столкнувшихся с террором лорда-протектора Оливера Кромвеля, акциями североамериканских «повстанцев» и якобинской диктатурой.

Сравнительный анализ исследований того периода обнаруживает определенную закономерность: авторы, как правило, избегают говорить о таких феноменах, как конституция и демократия, никак не мотивируя подобного умолчания. При этом ни правящий класс, ни научное сообщество совершенно не представляли, что делать с провозглашенным «народным суверенитетом», поскольку одно дело его продекларировать, другое – реализовать на практике. Не исключено, что речь идет об идейном кризисе, спровоцированном поспешностью, с которой термин «народовластие» был введен в законодательный и публицистический оборот, напоминая скорее лозунг, нежели итог продуманной научной концепции. В итоге во главу угла был поставлен либерализм и идея о том, что власть должна принадлежать не «народу» в целом, абстрактный характер которого вполне очевиден, а сравнительно небольшой группе собственников, участвовавших в промышленной революции и заслуживших право войти в состав правящей элиты. Таким образом, за лозунгами о «свободе, равенстве и братстве» могло стоять практически все что угодно, но только не «народовластие». Ни одна из рассматриваемых буржуазных революций, даже при реальной смене формы правления, не была демократической в том смысле, что подлинным «носителем суверенитета» и «источником власти» народ так и не становился. «Демократия» в чистом виде, судя по всему, никогда и ни в какой период не ассоциировалась в глазах экономических и политических элит с «народовластием».

Как показывает критический анализ научных исследований первых десятилетий XIX века, западноевропейские философы и государствоведы прежде всего предпринимали попытки теоретически обосновать модель взаимодействия общества и правящих элит, требовавшую как нового прочтения «старых истин» в части разделения властей, так и иного понимания реальной роли широких слоев населения в общественно-политическом процессе. Не отрицая того, что представительная демократия была бы существенным шагом вперед, акцент исключительно на ее механизмах при наличии системы ограничений и отсутствии у «избранных народа» императивного мандата стал основой компромисса между просвещенной частью общества и правящим классом, позволившего ряду государств не только сохранить монархию, но и модернизировать ее с учетом «требований дня». Опыт Соединенного Королевства, сумевшего преодолеть рецидивы «ребрендинга власти» и стать «примером для подражания», наглядно иллюстрировал возможности монархической формы правления, еще не

исчерпавшей своих внутренних ресурсов. Консерватизм как механизм стабилизации государственного строительства становился все более востребованным как в монархиях, не готовых к переходу к республиканской форме правления, так и в странах, переживавших адаптивный период к следующей стадии цивилизационного развития. Вместе с тем, по мнению автора, без кардинальных реформ архаичной политической системы, центральным институтом которой являлся монарх с широким кругом полномочий, а его ближайшее окружение характеризовалось сословными ограничениями, препятствовавшими демократизации и функционированию «социальных лифтов», преодоление назревавшего кризиса государственности было бы невозможным.

Сравнительный анализ публикаций исследуемого периода выявляет идейный вектор, в рамках которого предпринимались попытки преодолеть кризис, обусловленный непониманием дальнейшего пути развития общества с сохранявшейся сословной иерархией и политической системы, не отвечавшей «требованиям дня». Одним из ключевых вопросов стала проблема компромисса между монархией, переживавшей не лучшие свои времена, и «народным суверенитетом», носившим во многом декларативный, абстрактный характер. Инициировав процесс либерализации механизмов формирования органов парламентского типа, правящие элиты тем не менее не спешили отказываться от традиционных институтов сословного представительства, что диссонировало с принципами «народного суверенитета» и стало следствием той торопливости, с которой нормативные акты провозгласили «народ» источником власти без надлежащего теоретического обоснования. Вместе с тем политический процесс не стоял на месте, вынуждая элиты решать проблемы, связанные с преодолением диссонанса между «остаточными» рецидивами феодально-абсолютистской эпохи и буржуазными институтами, активно вторгавшимися в повседневную практику. Приходило осознание фундаментального алгоритма того, что преобразования необходимы прежде всего для сохранения монархии как формы правления, способной к модернизации, поскольку в противном случае «источник власти» и «носитель суверенитета» будет вынужден отправить ее в «архив», в том числе экстраординарными средствами.

С подобной «дилеммой» столкнулись все европейские монархии, кроме англо-британской, уже давно успешно ее преодолевшей, однако выводы были сделаны разные, отчего одни из них функционируют до сих пор, а другие стали достоянием истории. Существенный вклад в адекватность принятых решений внесли ведущие европейские философы и государствоведы, стремившиеся концептуально обосновать переход к новой стадии конституционно-правовых отношений, в которой демократии отводилось место, в большей степени отвечавшее потребностям общества. Понимание государства как необходимого публичного механизма взаимодействия общества и элит требовало взаимных уступок, результатом которых должны были стать демократизация и либерализация системообразующих сфер общественных отношений. Тем не менее у просвещенной части общества складывалось впечатление о приближении кризиса государственности при любой из действовавших форм правления. После

того как эйфория, вызванная французской революцией, уступила место социальной апатии, народ, получивший абстрактный статус «источника власти» и «носителя суверенитета», пребывал в предвкушении реальных перемен и давно обещанных прав и свобод. Однако его ждал «сюрприз» – либеральное государство, представлявшее не что иное, как институт политического господства буржуазии, где о народовластии применительно к концу XIX – первой трети XX века можно говорить лишь условно. Широкие слои населения, прежде всего бывшее «третье сословие», все настойчивее требовали изменений, стремясь стать полноценными членами общества, способными как «носитель суверенитета» непосредственно или косвенно формировать органы публичной власти и осуществлять контроль над их деятельностью. Таким образом, «свобода», ранее имевшая исключительно теоретическое, абстрактное значение, становилась олицетворением, более того – олицетвлением борьбы за права человека, без которых переход конституционно-правовых отношений в новое либерально-элитарное качество уже не представлялся возможным.

Во втором параграфе «Развитие конституционализма как критерий демократизации общественно-политических отношений» в сравнительно-правовом контексте анализируются тенденции, связанные со спецификой, отличительными чертами и особенностями процесса государственного строительства при переходе к качественно новому этапу цивилизационного развития, в основе которого лежали конституционные акты и аналогичные документы учредительного характера, закреплявшие тенденции, в той или иной степени обусловленные институализацией взаимодействия национальных элит и широких слоев населения, в том числе в контексте расширения прав и свобод человека.

Как свидетельствуют тенденции конца XVIII – первой половины XIX века, западноевропейская цивилизация стояла на пороге трансформаций, присущих переходу в новое качество, при котором фундаментальным преобразованиям подвергались все важнейшие, базовые сферы общественных отношений. Процесс во многих чертах носил революционный характер, так как государства, даже сохранив отдельные институциональные элементы предшествующего периода, к его завершению было, по существу, не узнать. Несмотря на национальные и региональные особенности государственного строительства, начинают проявляться закономерности, с которыми со временем будут непосредственно ассоциироваться «западная» модель демократии, «западные» ценности и мировоззрение. Нельзя не обратить внимание на важное обстоятельство, диссонирующее с либерально-элитарными тенденциями. В отличие от Испании и Португалии, чьи «колониальные империи» разваливались, Соединенное Королевство, Франция, Голландия, Бельгия и ряд других государств в течение непродолжительного периода взяли под свою юрисдикцию целые регионы в Африке, на Ближнем Востоке, Азии и Океании, что можно рассматривать как одну из особенностей развития буржуазного государства и права данного исторического этапа. Однако ни о какой экспансии демократии в этом случае говорить не приходится a priori.

Процесс «обуржуазивания» архаичных социально-экономических и общественно-политических отношений был неизбежен, однако он не отражал тенденций, в равной степени присущих «базису» и «надстройке», прежде всего в тех государствах, где механизмы публичной власти практически никак не реагировали на фундаментальные изменения, ставшие результатом промышленной революции. Монархии не спешили модернизировать институты, предпочитая вносить коррективы в уже апробированные модели взаимодействия населения, господствующих классов и правящих элит. Государства с республиканской формой правления на протяжении всего XIX века оставались в меньшинстве и не воспринимались «примером для подражания». «Республиканизм» американского, французского или швейцарского образца по-прежнему носил эксклюзивный характер, поэтому сравнительный анализ осуществляется с акцентом на трансформацию абсолютизма в более либеральные и демократичные формы монархического правления. Как ни парадоксально, европейские монархии весьма активно и последовательно использовали юридические инструменты учредительной направленности, среди которых приоритетное место занимают конституции, как писаные, так и неписаные. Законотворческий опыт английской, североамериканской и французской революций оказался достаточно иллюстративным и позволил посредством аналогичных актов предотвратить их распространение в большинстве королевств и империй, правящие элиты которых сумели сделать соответствующие выводы.

Вместе с тем прослеживается специфическая особенность, достаточно характерная для европейской цивилизации. В рамках интеграционных и дезинтеграционных парадигм предпочтение отдается монархической форме правления. Республика не пользовалась успехом, причем даже у государств, получивших независимость. Лишь политическим элитам Франции не удалось реставрировать монархию таким образом, чтобы проблема не возникала с известной очередностью, что можно рассматривать, помимо прочего, как проявление незавершенности революции. Стабильность системообразующих государственных институтов становится приоритетной целью, для достижения которой правящие элиты готовы идти на компромисс, «жертвуя» второстепенным, при этом сохраняя важнейшие механизмы, позволяющие контролировать процесс реформирования базовых институтов.

Поскольку «республиканизм» не вызывал сколько-нибудь значимого спроса, можно говорить о своего рода компромиссном консенсусе, к которому пришли носители «базиса» (хозяйственно-экономические отношения) и национальные феодально-аристократические рудименты, олицетворявшие «надстройку». Каждый из них преследовал собственные интересы, однако их объединяла общая конечная цель, состоявшая в том, чтобы минимизировать воздействие на политический процесс широких слоев населения, используя легитимные конституционно-правовые инструменты. Ни о какой утрате господствующими классами контроля над властью и делегировании прерогатив народу речь не шла а priori, в чем и проявлялась специфика формирующегося политического режима. Государственная власть, ассоциируемая с наследственными и сословно-

представительными учреждениями, продолжала носить самодостаточный характер, а ее отчуждение от народа не исчезло, даже когда он формально-юридически провозглашался «источником власти и носителем суверенитета». При анализе демократии как фактора стабилизации конституционно-правовых отношений недопустима экстраполяция современных процессов на реалии первой половины – последней трети XIX века. Рецепция применялась не только в сфере частноправовых отношений, но и при подготовке актов учредительного характера, трансформировавших архаичные феодальные институты в структуры, основанные при сохранении монархической формы правления на буржуазно-либеральном принципе разделения властей. Среди «эксклюзивных» особенностей трансформации следует отметить конфессиональный фактор, то есть концентрацию в руках монарха религиозных и светских прерогатив, в связи с чем секуляризация выходит на первый план, как только церковь заявляет о предпочтениях в традиционно значимых для нее сферах. При этом, говоря о рецепции как об одном из «факторов» развития конституционно-правовых отношений, важно учитывать, что ряд западноевропейских государств вступали в эпоху преобразований с опозданием, не имея преимуществ тех, где переход к новой модели взаимодействия протекал в ходе естественной трансформации монархии без социальных конфликтов, что, по всей вероятности, лежит в основе дифференцированного подхода к организации публичной власти, отражением которого служит статус главы государства и представительных органов, функционировавших в режиме «сдержек и противовесов», до «современного» состояния которых было еще далеко.

Следует признать, что рецепция, в том числе в контексте юридической техники, со временем приобретает характер общеевропейского политико-правового явления, свидетельствующего о воздействии на национальные системы права норм и принципов, апробированных в рамках англосаксонской или континентальной традиции, а затем приспособленных к нуждам конкретной страны, нередко без адекватного учета специфических особенностей развития ее государственных и публичных институтов. При этом важное значение приобретало соотношение национальных и заимствованных правовых элементов, уровень которого в одних случаях способствовал, в других препятствовал реализации концепций, предлагавших выход из социальных и политических коллизий, влиявших на характер государственного строительства, в том числе в контексте демократизации и либерализации прав и свобод человека.

В то же время не должно быть иллюзий по поводу того, что правящие элиты, осознав нецелесообразность сохранения абсолютистско-монархической системы, акцентировали внимание не на расширении прав и свобод населения, а на предотвращении радикализации процессов, связанных с переходом к конституционной монархии и разделению властей. Осознав, что консервация феодально-патриархальных институтов диссонирует с объективными тенденциями, «царствующие дома» и правящие элиты берут ситуацию под контроль, предлагая обществу эволюционный вариант модернизации. В перспективе «монархизм» и «парламентаризм» должны были стать составными

элементами новой буржуазно-либеральной модели взаимодействия общества и правящих элит, отличительной чертой которой нельзя не рассматривать усиление основ государства и легальных механизмов политической системы, призванных не допустить дестабилизации властных отношений, следствием которой могли бы стать необратимые трансформации не только формы правления, но и национальной государственности в целом. Вместе с тем все проводимые преобразования носили переходный характер, так как ни общество, ни правящие элиты не были готовы к изменениям, последствия которых предугадывались лишь на уровне прогнозов. Государство представляет собой не просто совокупность властных институтов, но и традиции управления, и иерархически выстроенные социально-корпоративные взаимосвязи, поэтому любая реформа, не учитывающая всего этого, как правило, обречена на провал или латентный саботаж со стороны бюрократии. Носители наследственной власти, понимая бесперспективность сопротивления объективным тенденциям, при адаптации инструментов «общественного договора» к местным условиям достаточно активно использовали англосаксонский опыт, о чем свидетельствуют нормы национальных актов учредительного характера.

Таким образом, «рецепция» была использована в качестве наиболее адекватного инструмента, посредством которого, без отказа от авторитарных методов правления, осуществлялся постепенный переход к новой модели властных отношений, системообразующим элементом которой *de jure* и *de facto* становится парламентаризм, основанный не на всеобщем избирательном праве, а на сословном характере институтов «народного представительства». Западноевропейские монархии, имея перед глазами пример эволюции Соединенного Королевства, уже не боялись преобразований, активно поддерживавшихся теми, с кем ассоциировались промышленная революция и либерализация хозяйственно-экономических отношений. Эти преобразования были необходимы во многих аспектах, в том числе в виде противоядия против тенденций республиканизма, поскольку уроки французской революции 1789 года, судя по всему, ни для кого не прошли даром. Не следует игнорировать и тот факт, что к многочисленным проблемам «внутреннего свойства» с течением времени прибавился «внешний фактор», изменивший к последней трети XIX – началу XX века статус и политические системы крупнейших западноевропейских монархий.

Сравнительно-правовой анализ учредительных актов свидетельствует о том, что при достаточно широкой либерализации экономических отношений демократизация «надстройки» не вызывает оптимизма, хотя и следует констатировать динамичный алгоритм развития, так как во главу угла поставлено стремление правящих элит сохранить монархическую форму правления и минимизировать последствия деструктивных процессов, вызванных расширением электоральных процедур. Парадокс состоит в том, что при внешне сопоставимых тенденциях европейские монархии институционально крайне сложно ассоциировать с политическими системами, где источником и носителем власти является народ, несмотря на последовательную сакрализацию концепции «народного суверенитета» в учредительных актах. Так называемое всеобщее избирательное право носило не только исключительно голословный, но и

демагогический характер, поскольку *de jure* никто не отменял избирательного ценза. Вместе с тем компаративист погрешит против истины, проигнорировав стремление правящих элит ряда государств, в том числе Соединенного Королевства, идти в ногу со временем, расширяя права и свободы отдельных категорий подданных.

Процесс государственного строительства исследуемых стран демонстрирует, посредством каких инструментов в кризисных ситуациях решаются проблемы, вызванные «утратой доверия» к тем учреждениям и институтам, с которыми народ как «источник власти» и «носитель суверенитета» ассоциирует поступательное движение вперед. Выводы подобного рода во многом носят «универсальный» характер, так как могут быть экстраполированы на более широкий круг конституционно-правовых отношений, прежде всего для критического переосмысления «книжного» восприятия соответствующих исторических событий в странах, традиционно являющихся «примером для подражания». Трудно, без всякого преувеличения, избавляться от стереотипов и двойных стандартов, на которых уже несколько столетий базируются официальная точка зрения и индивидуальные представления о безальтернативности «западной» модели демократии, особенно в контексте ценностей, типа мультикультурализма, политкорректности и толерантности, возведенных апологетами в своего рода «абсолют», гипертрофированный характер которого становится все более очевидным, игнорируя при этом любые мировоззренческие и цивилизационные альтернативы, существенным образом диссонирующие с ними.

Подытоживая сравнительный анализ тенденций государственного строительства в крупнейших «западных» демократиях XIX века, автор формулирует вывод о том, что трансформация конституционно-правовых отношений носила противоречивый и специфический характер, обусловленный особенностями эволюции и «базиса», и «надстройки» при переходе от одной модели взаимодействия «элит» и широких слоев населения, все меньше отвечавшей «реалиям жизни», к другой, требующей принципиально иных подходов к базовым институтам властно-публичного механизма. Демократия как инструмент реализации концепции «народного суверенитета» постепенно перестает восприниматься «кабинетной» идеологемой буржуазных деклараций, эволюционируя от абстрактного явления к конкретным органам и структурам. В то же время нет причин ставить знак равенства между «демократией» (подобная дефиниция, по существу, не использовалась в законодательстве, административной или судебной практике) и «народовластием», так как между ними было больше различий, чем общего, хотя терминологически речь идет о тождественных значениях. Не пользовалось спросом и понятие «республика», однако здесь «игнорирование» носило вполне осознанный характер.

Во-первых, практика наглядно показывает, что доминантным вектором, в Европе в первую очередь, следует рассматривать не полный отказ от имевшей место феодально-абсолютистской парадигмы государственного устройства, а ее институциональная и системная модернизация, с трансформацией в модель, организационно качественно – в общем и конкретных деталях – отличавшуюся от

своей предшественницы как с точки зрения разделения властей, так и содержания функций, которыми наделялись представительные, исполнительные и судебные публичные органы, *de jure* легитимным образом ограничивая прерогативы наследственного главы государства, то есть конституируя статус «источника» и «носителя» власти в лице монарха с учетом делегируемых и контролируемых со стороны «избранников народа» полномочий. Как правило, в качестве «примера для подражания» использовался опыт Соединенного Королевства, сумевшего, несмотря ни на что, *de facto* найти своего рода золотую середину между абсолютизмом и парламентаризмом. И только Франция старалась придерживаться собственного, «эксклюзивного» пути развития.

«Эксклюзивность» процессов, протекавших на родине «Декларации прав человека и гражданина» (вряд ли найдется другая считающая себя демократической страна, где за несколько десятилетий сменился ряд национальных лидеров, форм правления и политических режимов), вытекала из того, что правящие элиты не могли определиться, какой форме правления, республиканской или монархической, отдать предпочтение и согласиться на компромисс в виде «общественного договора», устроившего либералов и консерваторов, с привлечением электорально дееспособной части населения, параллельно ограничивая в правах всех, кто не соответствовал критериям, прежде всего женщин. Именно декларативным характером прав и свобод, в частности голословностью всеобщности избирательного права из пункта 24 главы IV Конституции 1848 года, можно объяснить такое явление, как «чехарда ребрендингов», ставшее «визитной карточкой» периода после «наполеоновских войн» и до принятия конституционных законов Третьей республики. Не менее симптоматичным для романо-германской и англосаксонской традиции, в контексте либерализации электоральных процедур и расширения избирательного корпуса, следует считать невосприятие, даже в странах, выходящих из-под юрисдикции других государств и приобретающих суверенитет, республиканской формы правления и предпочтение проверенной временем монархии в трансформированном, конституционно-ограниченном варианте, взяв за образец Соединенное Королевство и его комбинированные парламентско-монархические структуры, ставшие современными в результате «Славной революции» 1688-1689 годов. «Британскому» примеру следовала не только Германия, пытавшаяся создать единое немецкое государство, но и Франция, стремившаяся приспособить к практике несколько вариантов республиканской и монархической модели.

Во-вторых, акцентируя внимание на том, что приоритетной тенденцией для правящих элит европейских монархий была не замена устаревшей модели, а реструктуризация и частичная модернизация формы правления одновременно с институализацией системы разделения властей и «сдержек и противовесов», необходимо иметь в виду следующее. В результате реформ к последней трети XIX века конституционные монархии почти ничем не отличались от республик парламентского типа, за одним исключением, пожизненной должностью главы государства. Если сопоставить «предметы ведения» избираемого французского президента и его германского, шведского или британского наследственного

«коллеги», то у компаративиста появятся сомнения, о какой форме правления идет речь, до такой степени «идентичности» доходят их права и обязанности. Знаковой иллюстрацией служит «чехарда ребрендингов» во Франции, в течение которой государство попеременно возглавлял то монарх, то президент, однако существенных отличий в их полномочиях обнаружить не удастся. Аналогично обстояли дела и в монархиях, за исключением ситуаций с разными системами наследования или более широкими конституционными ограничениями. Сказанное относится и к механизму «сдержек и противовесов», в частности к импичменту, заимствованному европейскими элитами из практики Туманного Альбиона и получившему развитие в образованиях, позднее вошедших в Германскую империю. Иными словами, рецепция имела место не только в частноправовых отношениях, но и в более широком политико-правовом контексте. Однако к какой бы форме правления мы ни обратились, в глаза бросается фундаментальный факт, фиктивный характер «всеобщности» избирательного права, воплощенный в механизмах, делящих население на граждан «первого» и «второго» сорта, так как под этим термином понимались исключительно мужчины, причем лишь отвечавшие необходимым цензам. Что также сближало западноевропейский монархизм и республиканизм XIX века.

В-третьих, и в Соединенных Штатах процесс трансформации конституционно-правовых отношений имел, за вычетом «национальной специфики», тенденции, во многом идентичные европейским, но обусловленные причинами, не характерными для англосаксонской и романо-германской традиции в их «чистом виде». Квинтэссенцией проблем, с которыми столкнулись элиты после вступления в силу Конституции 1787 года, ставшей компромиссом между апологетами федеративного и унитарного государства, можно рассматривать два связанных вопроса. С одной стороны, соотношение и гипотетическую конвергенцию буржуазно-либеральной и рабовладельческой экономики, их способность смягчить конфликт между «северянами» и «южанами», с другой, степень демократизации реального положения отдельных групп населения на фоне деклараций о «равенстве и обладании неотчуждаемыми правами». Попытки выдать «желаемое» за «действительность» привели к коллизии, для разрешения которой рабовладельческим регионам потребовались «парад суверенитетов» и сецессия, на что остальные ответили «федеральной интервенцией» и экономической блокадой, принуждая к отказу от ценностей, противоречивших «букве» и «духу» учредительных документов.

К североамериканским особенностям, повлиявшим на государственное строительство во второй половине XIX века, следует отнести не сам факт рабовладения, а то, как его пытались сохранить, сначала закрепив в Конституции Южной конфедерации 1861 года, а затем вступив в войну против «северян», не обращая внимания на преимущества оппонентов, так как «южанам» было что терять. Речь идет не только о внеэкономическом принуждении как основе благополучия белых граждан мужского пола, но и о «статусе», который давал цвет кожи, традиционно дававший право избирать и быть избранными и рассчитывать в перспективе стать частью правящего класса. Поэтому освобожденный «colored

people» воспринимался a priori как потенциальный конкурент и на рынке труда, и в электоральном процессе, и в легислатурах, и в органах власти, чего не могла допустить бюрократия «хлопковых» штатов, привыкшая к комфортному для нее, но дискриминационному для «colored people» режиму.

В-четвертых, сохранив территориальную целостность государства и предоставив «colored people» свободу, а затем право участвовать в выборах и занимать должности, никому, как ни парадоксально, не пришло в голову сделать следующий логичный шаг, полностью отказаться от ограничений по гендерному и имущественному цензам, оставив этот вопрос нерешенным еще на несколько десятилетий. Подобная метаморфоза была характерна и для общенационального уровня, и для штатов, более того, аналогичная тенденция, лишавшая значительный процент дееспособного населения возможности голосовать или выдвигаться, прослеживалась и за океаном. Таким образом, не говоря об этом открыто, правящие элиты делали часть граждан ограниченно дееспособными по признакам пола и другим основаниям, абсурдность которых не вызывает сомнений. О какой демократии может идти речь, если гражданин не может ничего реализовать как «источник» и «носитель» власти ни непосредственно, ни через представителя в структурах законодательной, исполнительной или судебной власти. Как бы отвечая на этот вопрос, законодатель штата Колорадо 8 ноября 1893 года, более чем за четверть века до XIX поправки к Конституции, предоставляет женщинам избирательное право, что стало для Соединенных Штатов, а как следствие и для многих государств Старого Света, «миной замедленного действия», de facto взорвавшей патриархальный дискриминационный механизм, давно не отвечавший требованиям дня. Однако и здесь не должно возникать иллюзий о спонтанности, правящие элиты не только контролировали ситуацию, но и продвигали ее в нужном направлении, используя широкий спектр инструментов, от компромисса в виде учредительного акта или временного соглашения до «федеральной интервенции». Итог почти всегда был один, вся полнота власти концентрировалась в руках правящей элиты и ее окружения, а народ, провозглашаясь ее «источником» и «носителем», имел к ней опосредованное отношение. Тем самым абстрактный характер либеральной модели демократии и ее фиктивность по-прежнему оставались одной из системообразующих основ политического режима. Демократия de jure и демократия de facto, по существу, не имели ничего общего с презумпциями учредительных актов, согласно которым «источником» и «носителем» власти декларировался народ.

В третьей главе «Демократия как фактор стагнации, регресса и деградации конституционно-правовых отношений», включающей в себя два параграфа, исследуются предпосылки, характер, специфические черты и тенденции системно-институционального кризиса, охватившего в конце XX – начале XXI века крупнейшие государства «коллективного Запада», традиционно ассоциируемые с либеральной моделью демократии, в результате чего процесс цивилизационного развития вышел на качественно новый этап, негативные последствия которого проявят себя уже в ближайшей перспективе.

В первом параграфе «Корректировка либеральной концепции народовластия и ее отражение в теории государства и права» критически анализируются научные концепции, положенные в основу учредительных актов, заложивших политико-правовой фундамент становлению и развитию либеральной модели общественных отношений, одним из системообразующих элементов которой со временем станут права и свободы человека и гражданина.

Ушедший в историю XIX век заслуживает самых разных, в том числе противоречивых, оценок, что непроизвольно ставит вопрос об оправданности предположений «кабинетных» ученых о специфике государственного строительства с учетом промышленной революции, падения абсолютизма и постепенного перехода к ограниченной монархии либо республиканизму. Автора диссертации прежде всего интересовал тот научно-теоретический багаж, с которым европейские государства готовились вступить в следующую стадию цивилизационного развития, где права и свободы человека уже не могли существовать лишь в декларативном смысле без материализации в форме соответствующих законодательных актов. Следует признать значительное продвижение научной мысли в направлении концептуального обоснования необходимости перехода к практике общественных отношений, в центре которых находился бы человек, его права и свободы. Однако парадокс состоит в том, что декларации и их материализация нередко не только диссонировали, но и существенным образом противоречили друг другу.

Соотношение «правлящего большинства» и «оппозиционного меньшинства» ставится во главу угла всей системы конституционно-правовых отношений, важнейшим элементом которой провозглашается законотворческий процесс, базирующийся на легитимированной процедуре, соблюдаемой всеми заинтересованными сторонами. Акцент при этом делается на наличии у каждой из них публичных субъективных прав, посягательство на которые неприемлемо ни при каких обстоятельствах. Одновременно делается вывод о том, что любая концентрация власти как у «большинства», так и у «меньшинства» ведет к абсолютизму в какой бы институциональной форме – монархической или республиканской – это атрибутивно не выражалось. Следует иметь в виду, что даже в рамках разделения властей полномочия могут аккумулироваться у тех, кто в первую очередь представляет интересы конкретной политической организации, а не избирателей. Главным остается бесперебойно работающая система «сдержек и противовесов», от которой зависит функционирование государственного механизма и политической системы в целом, с одной стороны, реализация прав и свобод человека – с другой.

Анализ научной и публицистической литературы последней трети XIX – начала XX века обнаруживает примечательный факт, связанный с терминологией в работах исследователей о правах «меньшинства» (не путать с пресловутыми «меньшинствами», правам которых стремятся придать «эсклюзивный статус»). По каким-то причинам фундаментальные дефиниции «демократия» и «республика» не используются при анализе вопросов, прямо или косвенно связанных с «народным суверенитетом». Если отсутствие термина «республика»

объяснимо доминированием монархической формы правления, то отсутствие дефиниции «демократия» в научном лексиконе свидетельствует о том, что она не пользовалась спросом ни среди компаративистов, ни среди правящих элит. Пройдет всего несколько лет, и ситуация изменится кардинальным образом. Империи рухнут, а «официальные» взгляды на предпочтительную форму правления претерпят изменения, причем республика парламентского типа будет принята не всеми и не сразу. В этой связи обращает на себя внимание озабоченность европейских ученых проблемой «справедливости» накануне XX столетия, свидетельствующая о несостоятельности «либеральных» подходов к правам человека и неудовлетворенности конституционно-правовыми декларациями, практически не изменившимися со времен французской революции. У нас нет оснований вставать на сторону ни «пессимистов», констатирующих «закат Европы», ни «оптимистов», не видевших альтернативы движению вперед. При всей парадоксальности, и одни, и другие предпочитали не объяснять причины стойкого диссонанса между «желаемым» и «действительностью», так как ответы на возникавшие вопросы уже не могли полностью удовлетворить никого, и в первую очередь «источника» и «носителя» власти. Выводя за скобки теоретическую литературу «социалистической направленности» (всесторонне изученную в советский период) и акцентируя внимание на юридической и политологической литературе представителей различных научных школ, нельзя не признать, что тема «справедливости» рефреном, «красной нитью» проходит сквозь значительную часть исследований, посвященных итогам «века модерна». Неудовлетворенность в среде широких слоев населения была обусловлена тем, что результаты реформ не удовлетворили всех в равной мере, а в ряде случаев ненесли ничего, кроме самих «деклараций». Следствием чего, не могли не стать индивидуальные и коллективные претензии, нашедшие отражение в фундаментальных исследованиях «кабинетных» ученых.

Как результат сформировались две точки зрения, условно говоря, англосаксонская и романо-германская, между которыми провести хотя бы «гипотетические» параллели не представляется возможным, поскольку каждая базировалась на принципах, практически не корреспондирующих друг другу, хотя и сопоставимых по содержанию в отношении прав и свобод человека. Не претендуя на «эксклюзивность» подобной констатации, следует отметить, что события последних десятилетий свидетельствуют о необходимости фундаментальной переоценки «классических» презумпций о «западной» модели демократии, возводимой в «вершину» развития цивилизации, где традиционные ценности считаются анахронизмом. Системно-институциональный кризис современного права и государства прямо либо опосредованно обуславливает востребованность всестороннего критического анализа ситуации в государствах, ассоциируемых с так называемой «западной» либеральной моделью демократии. Процесс трансформации «классических» представлений о правах и свободах человека во многих принципиальных аспектах приобретает характер «улицы с односторонним движением», когда во главу угла ставятся интересы не большинства населения, культивирующего нормы поведения, основанные на традиционных ценностях, а

всевозможных «меньшинств». Другими словами, право встает на защиту «корпоративных» интересов той части западного общества, которая объединена «собственным» видением своего «особого» статуса. Понятие «справедливости», красной нитью проходящее через исследования представителей академического сообщества, на каждом этапе государственного строительства отвечает требованиям одной части общества и противоречит другой, тогда как правящие элиты, балансируя между ними, решают преимущественно собственные проблемы, нередко диссонирующие с интересами единственного «источника» и «носителя» власти. С периода буржуазно-либеральных революций конца XVIII – середины XIX века наблюдается перманентная тенденция выдавать «желаемое» (конституционно-правовые декларации) за «действительность», приобретающая самые причудливые проявления. Именно поэтому, наряду с актуализацией прав и свобод человека, XIX век стал временем крушения иллюзий, которые возникли у широких слоев населения, прежде всего у бывшего «третьего сословия», в результате слома феодально-абсолютистского строя и крайне болезненного перехода к очередному этапу модернизации отношений. Подобного рода тенденции продолжались как в Европе, так и в Соединенных Штатах вплоть до второй половины XX века, однако затем начали меняться. Тем не менее многие граждане и подданные оставались своего рода изгоями прежде всего с точки зрения неполучения провозглашенных политических прав и свобод и абсолютного неучастия в осуществлении власти. Правящие элиты не спешили «исправлять ошибку», стремясь не расширять электоральную базу за счет потенциальных конкурентов из числа всевозможных «меньшинств» в виде женщин, представителей других этносов, рас, религий и социальных групп. Дискриминация продолжала рассматриваться правящей элитой важнейшим сдерживающим фактором, направленным на сохранение в своих руках не только всей полноты публичной власти, но и инструментов идеологического воздействия, формирующих образ либеральной демократии.

XIX век (особенно его последняя треть) стал не только *de facto* этапным, но и переломным в процессе либерализации экономического «базиса» и демократизации общественно-политической «надстройки» многих государств, позиционирующих себя «оплотом демократии». Некоторые проблемы, решение которых «тормозили» правящие элиты, аккумулировали критическую массу, которая в ряде стран привела к кардинальным трансформациям, изменившим их общественный строй. К началу XX века сформировались достаточно четкие представления о том, в каком направлении правящим элитам необходимо реформировать национальную политическую и правовую систему, чтобы не утратить «завоеваний» прошлых лет и укрепить тот социальный потенциал, на который они могли опереться в противоборстве с радикально настроенной оппозицией. Абстрагируясь от конкретных исторических событий, можно лишь предполагать, в каком направлении двигались бы правящие элиты, если бы в Сараево не прогремел злополучный выстрел террориста, материализацией которого станет, помимо прочего, развал четырех империй и укрепление англосаксонской модели (как правовой, так и политической), в первую очередь ее

«североамериканского» варианта, качественная трансформация которого началась именно тогда. Парадокс состоит в том, что при наличии значительного по объему теоретического массива наработок никто не собирался демократизировать те сферы публичных отношений, которые были связаны с осуществлением власти «источником» и «носителем». Поэтому реформы в основном касались частичных, причем не всегда носивших принципиальный характер, изменений, не затрагивавших дискриминационного статуса целого ряда категорий населения, в первую очередь женщин и других социальных групп (впрочем, как и большинства общественных организаций). В подобной ситуации война становится тем своеобразным «рубиконом», перейдя который, уже нельзя было вернуться назад – к архаичной традиции.

Соотношение между либерализмом и консерватизмом свидетельствует о том, что одной из предпосылок кризиса «западной» модели демократии стало выхолащивание и обесценивание идей, под знаменем которых «источник» и «носитель» власти отправлял на «свалку истории» абсолютизм и публичные институты, сдерживавшие развитие общества и государства. Невольно возникает вопрос о том, почему при наличии детальной теоретической проработки проблем прав человека, разделения властей и механизмов «сдержек и противовесов» правящие элиты не торопились закреплять их законодательно и внедрять на практике, продолжая «желаемое» выдавать за «действительность». Вопрос совершенно не риторический, поскольку без ответа на него трудно понять определяющих тенденций процесса государственного строительства в странах, претендующих на право насаждать «западную» модель демократии, в том числе насильственным образом. Компаративист, предметом исследования которого является либеральная модель демократии, не должен игнорировать такой специфической особенности, как колониализм, которым не брезговали ни монархии (родина современного парламентаризма и *habeas corpus* занимала в указанном процессе лидирующие позиции, в частности, актуализировав и такой специфический дискриминационный институт, как концентрационный лагерь), ни республики, стремившиеся «осчастливить демократией» многие миллионы американских, африканских, азиатских и австралийских «туземцев».

Во втором параграфе «Институализация народовластия как конституционно-правовая антитеза охлократии и авторитаризма» в контексте системно-институциональных трансформаций базовых элементов либеральной модели демократии на примере ведущих стран «коллективного Запада» исследуется процесс государственного строительства, в результате которого деградирует не только политический режим, но и его важнейшие структурные элементы, олицетворением, материализацией и воплощением чего станет духовно-нравственный кризис, охвативший евро-атлантическую цивилизацию.

Наступивший XX век, явившийся вершиной развития либеральной модели демократии, условно делится на два периода. Первый охватывает относительно небольшой отрезок времени между мировыми войнами, второй *de facto* еще не завершился, трансформировав фундаментальные представления как о самой «демократии», так и о том, что считать правами и свободами человека. Все, что

связано с традиционными взглядами «большинства» на семью, брак, гендер и государство, противостоит пресловутым ценностям всевозможных «меньшинств», перманентный рост количества которых в наиболее «передовых» странах по обе стороны океана, вне всякого сомнения, перейдет в качество. Одно можно констатировать с максимальной степенью определенности: англосаксонская модель достигнет таких «высот», о которых Генрих VIII, королева Виктория и «отцы-основатели» Соединенных Штатов могли только мечтать. Если в начале нового века доминантой воспринималось Соединенное Королевство, то с течением времени «вектор силы» объективно смещается в сторону «Града на холме». К концу века «западная» модель демократии в глазах широких слоев населения стран, освободившихся от колониальной зависимости, все отчетливее начинает ассоциироваться с вмешательством во внутренние дела, попранием государственного суверенитета и игнорированием конституционных прав и свобод.

Поскольку предметом и объектом настоящего исследования не являются война и связанные с ней социальные потрясения, автор вывел за скобки сравнительно-правового анализа широкий круг вопросов, не имеющих непосредственного отношения к тенденциям процесса государственного строительства, акцентируя внимание на том, как воплощались на практике доктрины о «свободе, равенстве и братстве», «общественном договоре» или «народном суверенитете». Вместе с тем нельзя игнорировать, что обе мировые войны, как и формирование на «развалинах» Российской империи социалистического государства, оказали влияние на всю парадигму цивилизационного развития, масштабы которого не имели каких-либо сопоставимых исторических прецедентов. При всей парадоксальности вывод напрашивается сам собой: многие права и свободы, носившие декларативный характер, *de jure* начинают приобретать очертания, присущие не только традиционным «западным» демократиям, но и государствам с авторитарными и тоталитарными режимами. Именно события начала нового века поставили знак гендерного равенства между мужчинами и женщинами, выполнив тем самым, пусть и с опозданием, популистские обещания, данные «слабому полу» правящими элитами Старого и Нового Света. В этой связи компаративист не должен «модернизировать» ситуацию с позиций ценностей XXI века, не замечая, что один и тот же государственный орган в разные эпохи может представлять собой совершенно разные, нередко несопоставимые публичные институты, не имеющие ничего общего между собой, кроме наименования.

В контексте высказанного замечания следует заметить – либерализация и демократизация конституционно-правовых отношений в большей степени связаны с монархической, чем с республиканской формой правления, чаще всего ассоциируемой с Францией, поскольку такие «обязательные» для современной Европы и «западной» модели демократии принципы, как всеобщность избирательного права или право народов на самоопределение, корнями уходят не в республиканизм североамериканского либо французского образца, а в монархизм ограниченного типа. Так, если в Дании или Норвегии женщины получили

избирательные права еще в преддверии Первой мировой войны, а в Соединенном Королевстве после капитуляции кайзеровской Германии, то во Франции и Италии лишь через четверть века, по завершению Второй мировой войны. Нет ничего экстраординарного в том, что многие монархии продолжают существовать до сих пор, являясь «примером для подражания» с точки зрения реализации механизмов демократии, прежде всего парламентаризма, социального характера государства и материализации прав «меньшинств».

Термин «представительство» носит в значительной степени налет абстрактности, так как не отражает интересов не только всех дееспособных социальных групп общества, но и большей части электората. Цензы и ограничения существовали именно для того, чтобы у правящей элиты была «возможность для маневра» в тех ситуациях, когда итоги голосования *de facto* могли иметь непредсказуемый результат из-за участия в выборах деклассированных элементов, женщин, малоимущих или адептов неканонических религий. Партия или «блок», победившие на парламентских выборах, всегда представляют лишь небольшой процент от «источника» и «носителя» власти и потому не могут рассматриваться в качестве «избранных народа» в целом. Не исключено, что декларативная «всеобщность» избирательного права была выгодна правящим элитам, инициировавшим актуализацию таких механизмов, как представительная демократия и партии. Таким образом, «народный суверенитет» носил своего рода партийный оттенок, так как избиратель голосовал не за физическое лицо, а за политическую организацию, вернее, за программу, которую она представляла.

Можно весьма вариативно, вплоть до восторженных оценок, относиться к «прародине» современного парламентаризма, совместившего в рамках бикамерализма либеральные и сословные элементы, однако лишь с большой степенью условности допустимо говорить о политической системе Соединенного Королевства как о демократической, поскольку женщины получили избирательные права только через семь столетий после инициирования созыва первого представительного органа. Поэтому не будет преувеличением констатировать в целом ущербный, дискриминационный характер «модели», весьма продолжительное время действовавшей на территории Туманного Альбиона и служившей «эталоном» для других. Ни о каком народовластии в форме представительной демократии речь в таком случае не идет в принципе. Ситуация усугублялась имущественной дифференциацией и социальной стратификацией, при которых пораженные в правах женщины воспринимались как неполноценные подданные, предназначенные для ведения домашнего хозяйства, воспитания детей или благотворительности, а их права «реализовывали» отцы, мужья, братья и сыновья. Тем не менее исследователю не удастся избежать острых и нелицеприятных оценок той практики конституционно-правовых отношений, с которой принято ассоциировать англосаксонскую традицию, ставшую основой «западной» модели демократии. Более того, именно на Туманном Альбионе, параллельно с Германией и Соединенными Штатами, начинают складываться предпосылки будущего кризиса либерально-буржуазной демократии и провозглашаемых ею «ценностей». В этой связи не может не вызывать недоумения

тот факт, что если в конце XIX – начале XX века подданные нетрадиционной ориентации подвергались преследованию, то в новое тысячелетие монархия и ее многонациональные и многоконфессиональные подданные вступали уже под знаменем однополых браков, мультикультурализма, политкорректности и толерантности как приоритета прав «меньшинств». Не исключено, что правящие элиты тем самым компенсировали обществу издержки гендерной дискриминации и репрессивных действий власти предшествующих стадий государственного строительства, не совсем корректно, по мнению сторонников традиционных семейных ценностей, «замаливая грехи».

Проводя критический анализ тенденций исследуемого периода следует учитывать, что практически никому не дано предугадать течение процессов, в которых для обоснования одной ситуации без должного критического анализа используют набор «ценностей», мультикультурализм, политкорректность и толерантность, в большинстве случаев не приемлемых для других, особенно там, где превалируют традиции, диаметрально противоположные тем, что настойчиво навязываются извне под флагом борьбы за права человека. Было бы верхом цинизма утверждать, что каждое государство возникало и развивалось в рамках собственной парадигмы, за исключением тех, кому необходима «помощь» более «опытных» наций, среди которых приоритетное место традиционно принадлежит представителям англосаксонской цивилизации. Тем самым создается миф о том, что многие тенденции предопределены самим ходом исторического развития, в рамках которого расовая, гендерная и иная дискриминация являются важнейшими элементами политического процесса. Сложившаяся в государстве форма правления редко коррелируется с политическим режимом, так как существует много республик, применительно к которым о демократии следует рассуждать с большим уровнем абстракции, и наоборот, подавляющее число европейских монархий отвечают всем фундаментальным критериям демократии без каких-либо оговорок. Тем не менее, на наш взгляд, участие в выборах и работе представительных органов не всегда может быть решающим фактором, позволяющим относиться к конкретному государству как к демократическому. Именно «вариативность» статуса является важнейшим показателем того, демократическим либо недемократическим позиционируют себя государство и общество. Можно быть экономически независимым, но политически не иметь отношения к формированию властных институтов, или влачить существование маргинала, но обладать активным и пассивным избирательным правом. «Всеобщность» избирательного права, которой так гордятся апологеты «западной» модели демократии, длительное время носила отчетливо выраженные гендерные черты, ставя тем самым вплоть до второй половины XX века под вопрос само наличие такого конституционно-правового института, как демократия.

Какую бы из существующих форм правления мы ни взяли в качестве примера, практически везде действует один и тот же механизм. Победившая на выборах политическая организация становится «правящей», и неважно, какой процент избирателей от общего числа населения отдал свои голоса в ее поддержку, поскольку в любом случае речь идет лишь о части граждан. Следовательно,

представительная демократия во многих аспектах условно является «представительной», так как не отражает интересов всех тех, кто ассоциируется с «источником» и «носителем» власти. В этой связи крайне проблематично воспринимать в контексте «представительства» то правительство, которое носит компромиссный и договорный характер, когда партия, получившая большинство голосов, по тем или иным причинам не смогла сформировать высший орган исполнительной власти, и данное право делегируется партиям, каждая из которых фактически получила лишь минимально необходимый процент для преодоления барьера.

Завершая критический сравнительно-правовой анализ процесса трансформации политико-конституционных отношений в крупнейших государствах Старого и Нового Света, ассоциируемых с «западной» моделью демократии, мы приходим к выводам, к сожалению, не всегда вызывающим оптимизм как с точки зрения компаративиста, так и с точки зрения реальных перспектив нарастающего комплекса системных проблем, обусловленных кризисными тенденциями и во многих аспектах необратимыми деформациями фундаментальных основ «современной цивилизации». Если имеющая место «парадигма» будет в таких же масштабах реализовываться дальше, это может привести к еще большей деградации всей традиционной системы общественных отношений. Было бы наивно полагать, что речь идет об обычной корректировке, характерной для переходного периода, в рамках которого осуществляется конвергенция «старого» и «нового» и появляются принципиально иные формы правления или политические режимы, декларирующие, что «источником» и «носителем» власти является народ. Парадокс состоит в том, что предпосылки системно-институционального кризиса «западной» модели демократии корнями уходят не только в далекое или недалекое прошлое, но и в компромиссы, достигнутые между правящими элитами и их «оппонентами», в действительности представлявшими не «народ» как провозглашенный в конституции «источник» и «носитель» власти, а либералов, консерваторов или социалистов. Исследуемый период государственного строительства по ряду аспектов иллюстрирует сказанное исключительно наглядным образом.

Во-первых, нет каких-либо безоговорочных оснований констатировать, что идеалы, «под воздействием» которых совершались буржуазно-либеральные революции второй половины XIX – начала XX века, в реальности соответствовали интересам широких слоев населения, в обобщенном виде ассоциируемых с тем народом, о котором как «источнике» и «носителе» власти идет речь в конституциях или подобного рода учредительных актах, принятых по их «итогам», и отразивших квинтэссенцию заключенного «соглашения», *de facto*, пусть и с определенными оговорками, выгодного для всех «субъектов», так или иначе участвовавших в нахождении политико-правового компромисса (в первую очередь решая чисто групповые, корпоративные задачи, исходя из которых, соглашаясь на вынужденные либо необходимые взаимные уступки), хорошо известного из работ «кабинетных» ученых в качестве «общественного договора». В этой связи возникает совсем не риторический вопрос: с кем, как и на каких условиях он

согласовывался, а позднее утверждался и принимался, ведь до окончания Первой мировой войны ни один из них не был вынесен на референдум? Если «идентичным» образом с Филадельфийским конвентом, в заседаниях и дебатах которого не принимали, даже опосредованного, участия ни представители племен коренного индейского населения, ни «colored people», ни тем более «слабого пола», то о каком «народовластии» – в его буквальном политико-правовом значении – декларируется в конституции государства, провозгласившего себя «оплотом демократии», а женщинам предоставившим избирательное право лишь через сто тридцать три года после того, как она вступила в законную силу? Таким образом, перед нами пример того, как «желаемое» выдается за «действительность», в чем можно увидеть одну из важнейших предпосылок общественно-политического явления, которое с течением времени приобретет характер системно-институционального кризиса «западной» – либеральной – демократии. В новый XX век государства, с дифференцированной – монархической и республиканской – формой правления, традиционно, о чем свидетельствуют действующие на этот момент конституции и законодательные акты, позиционирующие себя «либеральной демократией», вступили с ограниченным «всеобщим» избирательным правом, которое de jure не распространялось на миллионы женщин Соединенного Королевства (правда, если не брать во внимание отдельные «заморские территории» и доминионы, где, как в Новой Зеландии и нескольких регионах Австралии, оно, как бы в виде эксперимента, было введено), Франции, Германии, Соединенных Штатов (где на уровне некоторых субъектов граждане получили одинаковый статус). Процесс по ликвидации пробела растянулся почти на пятьдесят лет, завершившись лишь после Второй мировой войны, когда Франция, последней из всех указанных стран, наконец отменила пресловутый «половой» ценз. Другими словами, электорат носил ярко выраженный «мужской оттенок», усиленный имущественными и иными ограничениями. О каком «народовластии» при подобной «демократической» практике вообще может стоять вопрос, когда в государствах, считающихся примером для подражания, миллионы граждан не обладают правом избирать и быть избранными, выведены за рамки важнейшей сферы общественных отношений, непосредственно или косвенно связанных с формированием властных институтов? Поэтому не совсем корректно, как нам представляется, присваивать какой-либо стране наименование «демократическая» в том случае, если кто-то из ее дееспособных граждан или подданных de facto не обладает равными со всеми остальными правами и свободами, что свидетельствует о фиктивном характере «народовластия».

Во-вторых, есть ли у компаративиста хотя бы какой-нибудь «формальный» повод говорить о государстве как «демократическом», акцентируя внимание преимущественно на соблюдении им необходимых правил и процедур при проведении выборов и прочих форм непосредственной демократии, закрепленных в конституции или законодательных актах, при условии, что в результате полученных голосов к власти, причем исключительно легитимным образом, приходят те, для кого система разделения властей, «классическое» представительство, парламентские правотворческие механизмы или практика не

только неприемлемы, но и противопоказаны как своего рода «противоядие» их тоталитарному и авторитарному менталитету и политическому режиму в целом, в контексте которого – *de jure* единственным «источником» и «носителем» власти провозглашается не «народ», а партия и ее вождь, *de facto* олицетворяющие собой демократию в ее расистской политико-правовой интерпретации. В том случае, если только выборы и представительство в органах публичной власти рассматриваются системным критерием «демократичности», то тогда, при всей парадоксальности обобщений подобного рода, по существу, любое государство, в масштабах которого все это наблюдается в наличии, соответствует в какой-либо степени необходимым требованиям и стереотипному имиджу, несмотря на функционирующий в действительности режим. Однако «странность» состоит не в том, что национал-социалисты и подобного рода «коричневые» западноевропейские правительства, пришедшие к власти благодаря избирательным технологиям, диссонируют с общепринятыми либеральными принципами, а в самом характере институтов и ценностей: в одних случаях, с точки зрения «тех», кто позиционирует себя не иначе, как «пример для подражания», считающиеся соответствующими, даже при наличии концентрационных лагерей, газовых камер и печей крематориев, предъявляемым к оценке уровня «демократичности» критериям, в других – не соответствующим, так как не подпадают под понятие «коллективный Запад». Если это «свой», то на многое допустимо и целесообразно закрыть глаза, не обращая внимание на недостатки, вынужденные «издержки» и «эксцессы исполнения», но в ситуации, когда речь идет о «чужом», следует видеть, предполагать или констатировать только негативное.

В-третьих, одной из самых поразительных и беспрецедентных, в первую очередь на фоне уже давно дискредитировавших себя (чего не хотят или не могут понять правящие элиты в лице как политической, так и управленческой бюрократии) мультикультурализма, политкорректности и толерантности, черт «западной» модели демократии в ее, так сказать, североамериканском варианте, на которую нельзя не обратить особое внимание, являлась сегрегация, то есть ущемление базовых конституционных прав и свобод по расовому или этническому признаку, существовавшая (и во многом до сих пор воспринимаемая в качестве реального социального инструмента) в пределах юрисдикции Соединенных Штатов еще во второй половине XX века, невзирая на то, что государство, на территории которого она действовала, на «начальных» этапах развития бывшей англо-британской колонии в виде рабства со всем «джентльменским набором» в отношении «*colored people*», а позднее – в форме дискриминации по причине иного цвета кожи гражданина, именуется «оплотом демократии» и «примером для подражания». Сказать, что это нонсенс, значит – ничего не сказать, так как представить что-либо подобное, рассуждая об уровне «демократичности» другой страны, невозможно а priori, тем не менее, даже в то время, когда чернокожим детям запрещали учиться в государственных школах и колледжах совместно с белыми сверстниками, а их родителям – работать, лечиться, ходить в кино, посещать стадионы или ездить в общественном транспорте, соблюдая правила, предусмотренные пресловутой доктриной «равных, но разделенных прав»,

сформулированной Верховным судом страны, нас и всех остальных чуть ли ни с пеной у рта убеждали, что это и есть демократия с так называемой «национальной спецификой», лицемерно игнорируя любую конструктивную критику в свой адрес со стороны трезвомыслящих оппонентов. До какой же степени цинизма должны прийти общество и его отдельные представители, чтобы в середине XX века запрещать человеку, нарушая его же права и свободы, формально-юридически закрепленные еще в позапрошлом столетии в XIV и XV поправках к Конституции, исходя из того обстоятельства, что он не белой – англосаксонской или, на худой конец, европейской – расы и у него другой цвет кожи. Таким образом, проведенный в исследовании анализ свидетельствует, в частности, о том, что сегрегация как дестабилизирующий фактор в итоге создала такое количество предпосылок ко многим базовым тенденциям общественного и политического развития, с негативными последствиями большинства которых государство и правящая элита по существу никогда не сталкивались, поэтому и не имели необходимых навыков противодействия им. Справедливости ради нельзя не подчеркнуть, что процесс десегрегации привел к целому ряду позитивных изменений, и случай, произошедший с Розой Паркс, подвергнутой наказанию всего лишь за то, что в автобусе она заняла место, предназначенное для белого, уже немислим по определению, однако многочисленные факты говорят в пользу того, что системно-институциональный кризис с течением времени будет только нарастать, при этом во многих случаях теряя прежнюю «цветовую окраску».

В-четвертых, не меньшие по последствиям проблемы уже в ближайшей перспективе ожидают либеральную модель демократии в том случае, если не произойдут качественные изменения с существующей практикой разделения властей, прежде всего в государствах с традиционными многопартийными системами и республиканской формой правления парламентского типа, так как известные события последних десятилетий свидетельствуют об усталости электората и широких слоев населения от партий, союзов и объединений, не отражающих настроений, обусловленных, спровоцированных и вызванных качественной трансформацией социального состава современного общества. Однако, как ни странно, правящие элиты умудряются даже в таких условиях концентрировать в своих руках всю полноту власти, но, что нельзя не признать, делать это становится все труднее по причине того (что закономерно и объективно с точки зрения цивилизационного процесса), что на смену «старому» и все более «дряхлающему» поколению либералов, консерваторов и социалистов, за которыми, помимо господствующих классов, как правило, стоят строго определенные категории граждан или подданных, разделяющих их «ценности», идут и, видимо, скоро выйдут на авансцену, в том числе и те, кто отражает интересы всевозможных «меньшинств» и радикалов, которых давно не устраивает существующее положение дел. В этой связи важное значение и актуальность начинают приобретать не обычные протестные формы, которым посвящены соответствующие разделы конституций, законодательные и другие нормативные акты о манифестациях и аналогичных акциях, а массовые движения, в основе которых лежат элементы охлократии, но не в значении толпы и чего-то подобного,

так как правящие элиты все чаще (можно даже говорить о некой предопределенности и закономерной тенденции), причем с конституционно-правовой точки зрения на достаточно объективных основаниях, вынуждены идти на компромисс, но не с оппозиционными партиями, являющимися структурной составляющей политической системы и режима в целом, а непосредственно с народом как единственным «источником» и «носителем» власти. Традиционный «охлос» настойчиво стремится аккумулировать признаки «демоса», с чем не могут не считаться все те, кто ассоциирует себя с государственными институтами. Как следствие, в рамках либеральной демократии постепенно, и это, по всей видимости, все сложнее удастся сдерживать с использованием легитимных процедур и механизмов, начинают формироваться предпосылки усиления непарламентских форм взаимодействия населения и правящих элит, с одной стороны, направленных на преодоление кризисных явлений, которые становятся все более ощутимыми, но пока еще имеющими обратимый характер, с другой – поиска выхода из создавшегося положения, так как в противном случае «ситуация» может выйти из-под контроля со всеми вытекающими последствиями, чего, судя по всему, хотят избежать участники процесса, какой бы политической платформы они не придерживались. Институты и процедуры, на протяжении второй половины ушедшего века олицетворявшие собой демократию в ее «западной» – либеральной – интерпретации, по существу не имевшей ничего общего с народовластием, во многом утратили и de facto продолжают утрачивать не только актуальность, но и мобильность, все более диссонируя и с реалиями дня, и с фундаментальными трансформациями, наблюдаемыми в масштабе перехода к новой модели общественных отношений, основанной на гипертрофированной абсолютизации прав и свобод человека, одной из ценностных доминант которой являются толерантность, политкорректность и мультикультурализм, приобретающих тоталитарный и дискриминационный характер. Исходя из этого, нельзя не констатировать, что одной из приоритетных тенденций, ангажирующих в последние десятилетия все более отчетливую псевдонаучную направленность, является переписывание истории, в том числе в контексте специфики становления конституционно-правовых отношений, демократизации основных прав и свобод человека, и ее целенаправленная мифологизация, обусловленная, помимо прочего, стремлением правящих элит, в лице политической и управленческой бюрократии, компрадорский характер которых, как правило, не вызывает сомнений, актуализировать и концептуально обосновать мировоззренческие и идеологические доминанты, выходящие за рамки традиционных представлений о государстве и праве, политическом режиме или демократической форме правления.

В заключении автор делает общие выводы по результатам работы.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

Статьи, опубликованные в рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ и РУДН:

1. *Еремян Э.В.* Мифы и комплексы либеральной демократии: Европейский союз в контексте рецидивов колониального прошлого // *Правовая политика и правовая жизнь.* 2025. № 1 (99). С. 162-176.
2. *Еремян Э.В.* К вопросу о смене парадигмы: нужна ли нам новая терминология? // *Правовая политика и правовая жизнь.* 2024. № 4 (98). С. 228-245.
3. *Еремян Э.В.* Иммиграционный вопрос как один из факторов кризиса либеральной демократии // *Правовая политика и правовая жизнь.* 2024. № 3 (97). С. 260-270.
4. *Еремян Э.В.* Федерализм как форма решения национального вопроса: политико-правовой анахронизм, элемент традиции или объективная реальность? // *Вестник Московского университета МВД России.* 2013. № 4. С. 39-46.
5. *Еремян Э.В.* О некоторых дискуссионных, теоретических и методологических вопросах современного российского государственоведения // *Вестник Московского университета МВД России.* 2013. № 6. С. 69-75.
6. *Еремян Э.В.* Налоговая политика и процесс трансформации традиционной правовой системы Великобритании и Северной Ирландии. Ч. 1 // *Право и политика.* 2007. № 11. С. 61-75.
7. *Еремян Э.В.* Налоговая политика и процесс трансформации традиционной правовой системы Великобритании и Северной Ирландии. Ч. 2 // *Право и политика.* 2008. № 6. С. 1444-1459.
8. *Еремян Э.В.* Понятие постоянного представительства для целей налогообложения и его связь с другими категориями налогового права // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки.* 2004. № 2. С. 113-118.
9. *Клишас А.А., Еремян Э.В.* Об одном фатальном заблуждении или почему западу не удалось навязать России либеральную модель демократии // *Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы.* 2026. № 3. С. 16-33.
10. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Кризис «западной» модели либеральной демократии как фактор регресса и деградации общественных отношений (Часть I) // *Правовая политика и правовая жизнь.* 2024. № 2 (96). С. 227-253.
11. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Кризис «западной» модели либеральной демократии как фактор регресса и деградации общественных отношений (Часть II) // *Правовая политика и правовая жизнь.* 2024. № 3 (97). С. 227-259.
12. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Есть ли у нас основания говорить о деградации и регрессе либеральной модели демократии? (Часть I) // *Правовая политика и правовая жизнь.* 2023. № 1 (91). С. 139-163.

13. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Есть ли у нас основания говорить о деградации и регрессе либеральной модели демократии? (Часть II) // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 2 (92). С. 266-283.
14. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Почему традиционный механизм разделения властей все чаще работает вхолостую? // Право и современные государства. 2023. № 2. С. 47-62.
15. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Паранойя исключительности как фундаментальный фактор политических отношений (Влияют ли национальные комплексы на процесс государственного строительства?) // Право и современные государства. 2022. № 1. С. 18-33.
16. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Почему глава государства был вынужден обратиться к оппонентам напрямую? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2022. Том 26. № 2. С. 369-402.
17. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Должна ли Россия копировать «западную» модель демократии в том виде, как мы ее знаем? (Часть I) // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 1 (87). С. 141-161.
18. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Должна ли Россия копировать «западную» модель демократии в том виде, как мы ее знаем? (Часть II) // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2 (88). С. 305-330.
19. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Должна ли Россия копировать «западную» модель демократии в том виде, как мы ее знаем? (Часть III) // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 3 (89). С. 223-237.
20. *Еремян В.В., Еремян Э.В.* Народовластие как форма политического режима: кабинетная мифологема или объективная реальность? (Почему стагнирует «западная» модель демократии?) // Право и современные государства. 2021. № 2-3. С. 60-72.

Статьи, опубликованные в иных научных изданиях:

21. *Eremyan E., Galitsky E., Chermit R.* The role of constitutional policy in the formation of a democratic society and the rule of law in the conditions of the Russian legal system. *Onati Socio-Legal Series*, 2021, 11 (6(S)), pp. S352-S372. doi: <https://doi.org/10.35295/osls.iisl/0000-0000-0000-1244>.

Монографии, учебники:

22. *Еремян Э.В.* Лекции по учебной дисциплине «Конституционное право». М.: Международные отношения, 2017. 174 с.
23. *Еремян Э.В.* Основы конституционного права Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии // *Еремян В.В., Еремян Э.В., Ешинимаева-Шагдарова Е.Т., Кучеренко П.А., Ульянищев П.В., Шумский И.Н., Чупанов А.С.* и др. Конституционное (государственное) право зарубежных стран / Под ред. д.ю.н., профессора В.В. Еремяна. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. С. 342-392.

ЕРЕМЯН ЭДУАРД ВИТАЛЬЕВИЧ

КРИЗИС «ЗАПАДНОЙ» МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ХАРАКТЕР, ОСОБЕННОСТИ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Диссертационное исследование Еремяна Эдуарда Витальевича «Кризис «западной» модели демократии: предпосылки, характер, особенности (сравнительно-правовое исследование)» носит комплексный историко-правовой и сравнительно-правовой характер, охватывающий период становления и развития «западной» модели демократии, а также те процессы, наличие которых отчетливо свидетельствует о трансформации и качественном перерождении базовых буржуазно-либеральных институтов, длительное время олицетворявших собой конституционно-правовые формы и механизмы взаимодействия правящих элит и широких слоев населения. Автором обосновывается дискриминационный, фиктивный, популистский и декларативный характер «западной» демократии как одной из политико-правовых концепций либеральной модели народовластия, в основе которой лежали механизмы, полностью лишавшие или существенно ограничивавшие права и свободы определенных категорий населения по гендерным, расовым, этническим, религиозным, сословным, имущественным и иным признакам. В результате проведенного историко-правового и сравнительного конституционно-правового анализа феномена, именуемого «западной» моделью демократии, автором аргументировано показано, что он находится на одной из стадий масштабного системно-институционального кризиса, охватившего важнейшие области мировоззренческих, социальных и политических отношений, обусловленных, вызванных или спровоцированных рядом фундаментальных тенденций, предпосылками которых стали характер и особенности процесса либерализации и демократизации формы правления и политических режимов крупнейших государств Старого и Нового Света.

EREMIAN EDUARD V.

**THE CRISIS OF THE "WESTERN" MODEL OF DEMOCRACY:
PREREQUISITES, NATURE AND DISTINCTIVE FEATURES (A
COMPARATIVE LEGAL STUDY)**

The dissertation research of Eduard Eremian "The crisis of the 'Western' model of democracy: prerequisites, nature and distinctive features (a comparative legal study)" is of a comprehensive historico-legal and comparative legal character, encompassing the period of the formation and development of the "Western" model of democracy, as well as those processes whose presence clearly attests to the transformation and qualitative changing of the fundamental bourgeois-liberal institutions that for an extended period embodied the constitutional and legal forms and mechanisms of interaction between ruling elites and broad segments of the population. The author substantiates the discriminatory, fictitious, populist, and declaratory nature of "Western" democracy as one of the political and legal conceptions of the liberal model of popular sovereignty – a model founded upon mechanisms that wholly deprived or substantially curtailed the rights and freedoms of certain categories of the population on grounds of gender, race, ethnicity, religion, social estate, property status, and other criteria. As a result of the conducted historico-legal and comparative constitutional-legal analysis of the phenomenon referred to as the "Western" model of democracy, the author demonstrates, with reasoned argumentation, that this phenomenon is at one of the stages of a large-scale systemic and institutional crisis encompassing the most critical domains of ideological, social, and political relations – a crisis conditioned, caused, or provoked by a number of fundamental tendencies, the prerequisites of which were constituted by the nature and characteristics of the process of liberalization and democratization of the form of government and political regimes of the major states of the Old and New Worlds.